

СВЕТЛАНА
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

За секунду до выстрела

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

За секунду до выстрела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17805405

ISBN 9785447460990

Аннотация

Книга написана на основе реальных документов из архивов КГБ. Во время визита в Москву президента США Рональда Рейгана ЦРУ планировало на него покушение, чтобы обострить международную ситуацию. Но покушение удалось предотвратить буквально за секунду до выстрела...

Содержание

Вместо пролога	5
Глава первая	11
Глава вторая	39
Глава третья	65
Глава четвертая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

За секунду до выстрела
Политический детектив
Светлана Игоревна
Бестужева-Лада

© Светлана Игоревна Бестужева-Лада, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо пролога

О терроризме написаны сотни, если не тысячи книг и статей, так что проблема эта волнует человечество достаточно давно. Не стоит, наверное, вдаваться в теоретические тонкости: террор – всегда террор, какие бы цели он ни преследовал. И никогда не приносил людям ничего, кроме крови и страданий. Но есть массовый террор и есть террористические акты, направленные против отдельных конкретных лиц. Чаще всего – коммерсантов и политиков. Еще чаще – монархов, президентов или министров.

Глава любого государства знает, что его жизнь подвергается особому риску. Как заметил ещё в 1897 году итальянский король Витторио-Эмануэль, чудом избежав кинжала наемного убийцы:

– Таков риск, связанный с нашей профессией.

Когда позднее короля все-таки застрелили, газетная вырезка с сообщением об этом трагическом событии спровоцировала убийство президента США Уильяма Маккинли.

Очередной президент США, Франклин Делано Рузвельт, однажды сказал своей жене и ближайшему другу Элеоноре:

– Если человек не боится, что его схватят, то он вполне может совершить покушение на жизнь президента.

Это афористичное мнение разделял и американский президент Дуайт Эйзенхауэр, считавший, что его может убить

любой человек, который не боится лишиться собственной жизни.

Все они, безусловно, знали, о чем говорили. По числу покушений на президентов Соединенные Штаты Америки можно назвать «абсолютным чемпионом». Именно здесь впервые в истории человечества появился институт президентства, когда пост главы правительства объединился с постом главы государства, являющегося одновременно верховным главнокомандующим вооруженными силами страны.

Так вот, за все время существования США семь действующих президентов были либо убиты, либо умирали при загадочных обстоятельствах. Американцы склонны видеть в этом определенную мистику: даже процедура президентских выборов носит магический характер – выборы президента США и вице-президента осуществляются в первый вторник после первого понедельника ноября каждого високосного года одновременно с выборами в конгресс.

Сороковой президент Рональд Рейган был избран в ноябре 1980 года и вступил в должность 20 января 1981 года. В ноябре 1984 года его переизбрали на второй срок, который благополучно завершился в 1988 году буквально чудом. Уже в 1981 году на Рейгана было совершено покушение, после которого он с трудом выжил. В 1986 году готовилось ещё одно покушение, о котором до сих пор практически никому неизвестно, кроме людей, разработавших и проводивших всю операцию по предотвращению покушения на американско-

го президента во время его официального визита... в Москву, считавшуюся тогда едва ли не самым спокойным городом мира, во что сейчас, конечно, трудно поверить. Собственно, этой истории и посвящена книга.

Незавидную судьбу своих президентов многие американцы объясняют неким проклятием, наложенным на них индейскими вождями в отместку за кровь индейцев в неравной борьбе с янки. Причем проклятие это, якобы, бессрочно, и следующим «кандидатом в покойники» станет сорок третий президент. Версия красивая, если учесть, что проклятие касается только тех президентов, кому не посчастливилось выставить свою кандидатуру на пост президента и выиграть выборы в годы, десятилетия которых кратны целому числу двадцать. Тем, у кого плохо с арифметикой, достаточно усвоить, что покушаются практически на каждого американского президента, но не каждый погибает. Остается жив иногда – чудом, иногда – благодаря умелым действиям охраняющих его людей.

Почему же уцелел Рональд Рейган? Может быть, потому, что впервые покушение на американского президента происходило не на территории Америки? Или потому... что советская служба безопасности всегда работала лучше американской? Большую симпатию вызывает именно вторая версия. И не только по причине обостренного патриотизма, но и по целому ряду куда более существенных моментов.

* * * * *

Политики те же люди, простите за банальность. А значит, их можно купить, запугать, прибегнув к шантажу, наконец убить. Случается – убивают, причем политиков всех рангов, а не только президентов. И не только в Америке.

Убийство – это средство террора. Иногда достаточно одной метко выпущенной пули, чтобы изменился курс страны, или чтобы во всем мире резко упали цены на нефть. И дирижирует этим процессом достаточно хрупкое равновесие между страхом и разумом.

Но... если боги решают покарать человека, они, как известно, сначала лишают его рассудка. Посему терроризм не только не исчез, уступив место более цивилизованному способу решения международных и внутренних проблем, но, наоборот, расцветает пышным цветом там, где о нем раньше и слыхом не слыхивали. Самый свежий пример – взрывы жилых домов в Москве.

Грустный же парадокс заключается в том, что в России после революции настало время массового террора. И осуществляла его власть против своего же народа, что в той же самой Америке с её хваленой демократией нереально. Обязательно найдется политический оппонент, который все это безобразие прекратит и сам встанет у власти. Ну да в каждой избушке – свои игрушки. Два мира, два менталитета...

И вот однажды эти два мира столкнулись в такой узкой точке, где разминуться было практически невозможно и где все решало не количество или качество вооружения, а орга-

низованность и профессионализм.

Невероятное стало очевидным: группа видных американских политиков-ястребов разработала дьявольский план уничтожения собственного президента при полной дискредитации своего извечного врага – Советского Союза. Говорят: жизнь – плохая литература. В данном случае получилось наоборот: жизнь чуть не оказалась круче любого боевика западной выделки.

Еще более грустный парадокс в том, что Россия, похоже, задалась целью уничтожить себя сама. Во всяком случае сценариев для этого в нашей стране было написано предостаточно. Один из таких (замечу! Сугубо советских) сценариев изошренно переплелся с выверенной логикой американских политиков. И тогда...

Впрочем, пытаться установить точную взаимосвязь между действием, тем историческим периодом, в который оно происходило, и его местом – безнадежная затея. Но будет также полным абсурдом утверждать, что этой связи вообще не существует и что политическое убийство может быть совершено в достаточно спокойном и стабильном обществе, не подверженном никаким потрясениям. Потому что люди не живут сами по себе, вне времени и пространства, а одиночек просто не существует. Все действия человека определяются временем и обществом, в котором он живет или жил. События давно прошедших дней могут оказать на судьбу человека ничуть не меньшее влияние, чем сегодняшний день.

Что ж, начну, пожалуй. Только предупреждаю, что многие персонажи в романе вымышлены, а сходство с реально существующими людьми прошу считать случайным, как сейчас принято писать.

Пора рассказать о том, что было на самом деле. А заодно и о том, какую Систему мимоходом развалили «прорабы перестройки», получив в результате то, что мы сейчас имеем.

Впрочем, судите сами.

Глава первая

– Большинство людей в Америке почему-то считают, что достаточно убрать президента, чтобы в корне изменить ситуацию в стране, – заметил один из двух, сидевших возле полупотухшего камина, мужчин, поджарый, седовласый, с резкими волевыми чертами лица, и лениво отхлебнул из высокого стакана. – А ведь это полный абсурд.

– Почему же абсурд? – возразил его собеседник, тоже весьма импозантный мужчина, которого чуть-чуть портили излишняя суетливость и что-то в выражении лица, неуловимо напоминавшее крысу. – Убийство Кеннеди многое изменило, причем скорее к лучшему.

– Что же именно? Наши войска стали одерживать блистательные победы во Вьетнаме? Нефть подешевела? Безработных стало меньше? Преступность резко снизилась?

Собеседник промолчал, лишь недоуменно повел плечами, как бы желая сказать, что все-таки остается при своем мнении. Мужчина у камина снова сделал глоток из стакана и неторопливо продолжил:

– Дело в том, что люди ленивы и нелюбопытны. Плохо знают даже собственную историю, а уж мировые масштабы для них – тайна за семью печатями. Хотите небольшую лекцию по истории человечества?

– Вы же знаете, вас я всегда слушаю с интересом.

– Если бы другие проявляли хоть каплю этого интереса, – вздохнул седовласый мужчина, – история наверняка пошла бы другим путем. Впрочем, мы с вами оба занимаем достаточно высокое положение, чтобы располагать даже не секретной – сверхсекретной информацией и при этом не особенно беспокоиться за свою жизнь и здоровье, хотя все мы, конечно, под Богом ходим. Кое-чем новеньким я с вами сейчас поделюсь. Однако мы почти ничем не рискуем: заключительная фаза операции начнется через несколько недель, и предотвратить её не в силах ни один человек.

– Даже президент США?

– Не считайте Рейгана наместником Бога на земле, Джо, – впервые назвал мужчину своего собеседника по имени. – Тем более, что даже на Папу Римского совершалось покушение. А Рональд всего лишь пешка в руках тех, кто поставил его на это место.

– Себя вы, разумеется, тоже к ним причисляете? – не без ехидства осведомился тот, кого называли Джозефом. – Я всегда думал, Боб, что скромность не является вашей основной добродетелью.

Роберт смерил своего собеседника тяжелым взглядом.

– До последней минуты я причислял к ним и вас, – сухо отпарировал он. – Но язвительность плохо сочетается с настоящей властью, заметьте это. Оставьте её дешевым политикам, у них просто больше ничего за душой нет.

– Простите, босс, – кротко отозвался Джозеф. – У вас

слишком хорошее виски, начинаешь терять над собой контроль. Впредь постараюсь воздерживаться.

– Ну, виски вы можете пить сколько угодно, – примирительно заметил Роберт, – вот остальное... Впрочем, к делу. Наберитесь терпения: история достаточно длинная. Думаю, она началась в то время, когда вы в лучшем случае посещали колледж и играли в регби и, конечно, тогда вам и в голову не приходило, что в один прекрасный день вы займете пост первого помощника главы ЦРУ. Хотя я об этом тоже не задумывался, если честно.

– Середина пятидесятых? – предположил Джозеф.

– Почти угадали. 1958 год. Россия. Если помните, мы тогда играли в замечательную игру под названием «холодная война», и весь мир с минуты на минуту ждал своей термоядерной кончины. Ну там ещё спутники, космос и прочая дребедень. И вот один никому не известный молодой человек принес в одно из московских издательств рукопись под названием «Третья мировая война». Огромная рукопись – страниц на четыреста...

Роберт замолчал и снова наполнил стакан, кивком пригласив своего собеседника сделать то же самое.

– Ее приняли? – с любопытством спросил Джозеф.

– Разумеется, нет, – усмехнулся Роберт. – В то время рукопись с таким названием не могли принять ни в одном издательстве СССР. Они же там всегда боролись за мир во всем мире.

– Параллельно помогая кубинским командос, – усмехнулся в ответ Джозеф. – И не только им. Так что же этот молодой человек?

– Парень оказался настырным и потребовал рецензию. Рецензию он получил, разумеется, разгромную, так что книга в СССР так никогда и не появилась. Зато копия рукописи таинственным образом оказалась на столе у одного из моих предшественников на этом посту, о чем автор, судя по всему, до сих пор не подозревает. Если ещё жив, конечно. Все-таки тридцать лет прошло... А рукопись любопытная. В ней детально описан план третьей мировой войны, развязанной, замечу, Советами, для которой требовалось шестьдесят тысяч танков...

– Всего-то? – снова иронично усмехнулся Джозеф.

– Смешного там было мало. Двадцать тысяч танков совершают бросок на запад и юго-запад Европы, с ходу форсируют Рейн, проходят через всю Францию, через Пиренеи, проникают в Испанию, далее – Гибралтар и – по стопам Роммеля...

– Роммель скверно кончил со своими танковыми армиями, – заметил Джозеф.

– Думаю, и тут дело обернулось бы не лучше, но подумайте, что стало бы с Европой? Она практически вся могла превратиться в Польшу сорокового года. А ведь по плану предполагалось ещё два танковых удара, чуть менее мощных: через Италию в Ливию и Северную Африку, а через Персию – в Сирию и Палестину.

– Классическая военная утопия. Они даже с Афганистаном не смогли справиться, хотя начало, должен признать, было блестящим. Танки – не просто военные машины, это – нефть, это – коммуникации, это – заводы для производства новых машин и запасных частей... Это, наконец, черт побери, огромные деньги!

Роберт молчал, задумчиво глядя на угасающее пламя в камине. Со стороны могло даже показаться, что он задремал. Но Джозеф слишком хорошо знал своего шефа, чтобы поверить в это, но он знал также, что прерывать молчание не стоит: чтобы не вызывать раздражения. Оставалось терпеливо ждать продолжения разговора, не сомневаясь в том, что оно последует.

– Безусловно, утопия, – внезапно нарушил молчание Роберт. – Но по ней можно со стопроцентной точностью определить военные амбиции Советов. Ведь их единственным уязвимым местом всегда была элементарная нехватка денег, тех денег, которые они могли потратить на гонку вооружений. И заметьте, победа в этой гонке давалась нам не без труда, хотя с каждого доллара национального дохода Америка тратила восемнадцать центов, а СССР – восемьдесят копеек с рубля. Мы просто могли играть в эту игру значительно дольше, вот и все. Наши центы должны были кончиться позже, чем их копейки.

– И все-таки они заставили нас потратить более чем достаточно, – заметил Джозеф.

– Хуже того, они нас перехитрили, – мрачно ответил Роберт. – Они чрезвычайно ловко обошли все расставленные ловушки и стали насаждать близкие им по духу режимы по всему миру. Вспомните Анголу, Джо. А Латинская Америка? Да, расстояния были колоссальными, и это во многом связывало Советам руки, но зато они вытряхивали из нас максимально возможное количество этих самых центов. И ещё эти «ястребы» в Пентагоне, которым все равно во что палить, лишь бы арсеналы ломились от боеприпасов...

В дверь чуть слышно постучали, глава ЦРУ не выносил резких звуков. Его помощники знали об этом, как знали и о том, что можно не дожидаться разрешения войти после стука: если Роберт не хотел, чтобы его тревожили, он просто запирает дверь. Поэтому через несколько секунд перед Робертом уже лежала папка с документами. Он бегло просмотрел их и тихонько рассмеялся.

– Ну вот и все. Теперь остается только ждать: управлять событиями мы больше не можем, они фактически вышли из-под нашего контроля. Нужный человек, в нужное время, в нужном месте... Так на чем я остановился, Джо?

– На «ястребах» из Пентагона.

– Да нет же! На том, что Советский Союз уже практически труп, с ним считаются только по инерции.

– По инерции там какой-нибудь дурак доберется до «чемоданчика с кнопкой», – мрачно ответил Джозеф, – и они

здорово нагадят Америке напоследок.

– На это у них уже практически не осталось времени, – отозвался Роберт. – К тому же они делают все, чтобы себя погубить. Примеры? Пожалуйста. Оставим пока Горбачева, это отдельная тема для беседы, вернемся к ней позже. Тем более он не один там решает важные проблемы. Они зациклились на очередной утопической идее: директивным способом отучить русский народ от пьянства. Идиоты! «Сухой закон» в Америке в свое время породил мафию, а страна понесла колоссальный материальный ущерб. Финны держатся только потому, что им недалеко ехать до Ленинграда, где полно дешевой выпивки, и потому, что настоящим бандитам в их захолустье просто нечего делать. Россия же захлебнется в самогоне и связанным с ним криминальным бизнесе.

– Но есть же там и умные политики. Шеварднадзе, например.

– Во-первых, он грузин и, значит, никогда не получит ни высшего поста, ни реальной власти. Такое было под силу только Сталину. Во-вторых, он там – чужак. Европейски образованный человек, почти откровенно мечтающий о суверенной грузинской республике... На русских ему просто плевать. Помяните мое слово, через несколько лет он будет просить о приеме Грузии в НАТО. Я же говорю, что они сами себе выкопают могилу, эти перестроечники.

– Но если им действительно удастся перестроить экономику страны по западному образцу...

– Им это не удастся! – категорически отрезал Роберт. – Вы не изучали историю России так тщательно, как я, Джо. Это не упрек, это констатация. У вас и так хватает важных дел. А для меня российская история своего рода хобби. Так вот, если вам интересно, сейчас Советы начинают шестую по счету перестройку.

– Какую? – ошарашенно переспросил Джозеф, искренне считая, что ослышался.

– Шестую, Джо, шестую. К 1921 году большевики, хотя и получили политическую власть, своими экономическими экспериментами настроили против себя чуть ли не всю страну. Пришлось давать полный назад и восстанавливать по сути старый порядок, только с новыми чиновниками...

– Про НЭП я слышал, – заметил Джозеф. – Точнее, читал. Но не думал, что эта политика была перестройкой.

– А НЭП и не являлся перестройкой, это, повторяю, был откат назад. Первая настоящая перестройка началась тогда, когда окончательную победу в политической грызне одержал Сталин и фактически стал диктатором в России. А продолжение «новой экономической политики» грозило смести с политической арены – за ненадобностью – новый правящий класс, партийную номенклатуру, несколько сотен тысяч человек. Для того, чтобы удержаться у кормушки, требовалось срочно что-то предпринять. И Сталин изобрел гениальный стратегический ход: принудительно увеличил вдвое скупку зерна у крестьян и соответственно его экспорт. Вы-

рученные же деньги предполагалось пустить на ускоренную индустриализацию страны и за четыре года – к 1932 году, если точно следовать партийным документам того времени, – построить коммунизм: бесплатное питание, одежда, жилье и шестичасовой рабочий день. Если бы эта авантюра удалась...

– Сталин оказался бы более велик, чем Ленин? – предположил Джозеф.

– Совершенно верно. Но крестьяне отказались продавать зерно за бесценок. Можно было снова прибегнуть к силе и просто отобрать хлеб, но это уже было опасно для самого диктатора. И Сталин пошел другим путем, путем коллективизации. Недовольных и наиболее зажиточных выселяли в глухие районы Сибири, обрекая их на смерть от голода и холода. Было репрессировано около двенадцати миллионов человек. Дети, старики, женщины... А когда у крестьян отобрали ещё и семенной хлеб, от голода погибло ещё около восьми миллионов.

– Они столько же потеряли во второй мировой, – потрясенно выдохнул Джозеф.

– Возможно. Это же Азия, человеческая жизнь там ничего не стоит. В общем, первая перестройка бесславно провалилась.

– Насколько мне известно, хлеб с тех пор Россия уже никогда не экспортировала, – блеснул эрудицией Джозеф.

– Совершенно верно. Удар по сельскому хозяйству ока-

зался таким разрушительным, что его не восстановили до сих пор – шестьдесят с лишним лет спустя. И нет ни малейшей уверенности в том, что восстановят в обозримом будущем. Потому что опять идут только разговоры – на сей раз о каком-то ускорении научно-технического прогресса. Конкретных способов никто, естественно, не предлагает. Но мы отвлеклись. К сегодняшней России мы ещё вернемся.

Вторая перестройка началась с приходом к власти Хрущева – в середине пятидесятых годов – и длилась неполных восемь лет. Начал её новый советский лидер с закрытого доклада о разоблачении культа личности Сталина. Придя к власти, Хрущев и не помышлял о какой-то перестройке, возможно, он даже слова такого не слышал. Ему просто нужно было обойти более сильных политических соперников, поэтому он и решился на такой отчаянный шаг. Отчаянный, поскольку результатом стал не столько сильный шок в самой России, сколько антикоммунистическое восстание в Венгрии в 1956 году, куда более мощное, чем аналогичное выступление в ГДР в 1953 году. После этого все оставшиеся годы своего нахождения у власти Хрущев занимался в основном тем, что пытался загнать джинна вольнодумства обратно в бутылку. Но процесс оказался необратимым.

– При чем же тут перестройка? – наморщил лоб Джозеф. – Я что-то не пойму.

– А при том, что Хрущев вновь обещал советскому народу коммунизм, причем даже назвал конкретную дату его

наступления: 1980 год. Выдвинув этот лозунг, он организовал разработку новой программы партии и начал её интенсивную пропаганду. Кроме того, объявил, что за семь ближайших лет СССР окончательно перейдет в разряд развитых стран мира, и в связи с этим выдал крестьянам паспорта, которые у них отобрали при Сталине. Поверив пропаганде, крестьяне в массовом порядке стали переселяться в города, которые совершенно не были готовы к такому наплыву новых жителей, – кстати, последствия этой стихийной миграции ощущаются до сих пор, – традиционный сельский уклад жизни был окончательно разрушен. Что, как вы понимаете, не пошло на пользу ни сельскому хозяйству, ни промышленности. А тут ещё осложнения во внешней политике...

– Если не ошибаюсь, Карибский кризис произошел именно при Хрущеве?

– Не ошибаетесь. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения советской партийной элиты. И Хрущева быстро заменили на Брежнева, который в 1966 году без особого шума начал перестройку номер три. Собственно, начал не он, а глава тогдашнего правительства Косыгин. Не посягая на основы престоалинского по своей сути режима, то есть с жесткой цензурой, но без массовых репрессий, предполагалось дать большую самостоятельность предприятиям, учреждениям, организациям и тем самым повысить эффективность экономики, низкий уровень развития которой был уже угрожающим.

– Получилось?

– Нет, помешала «пражская весна» 1968 года, после чего быстро произошел «откат на исходные позиции». Означеновалось это тотальным разгромом общественных наук, литературы, искусства вообще, жесткими гонениями против горстки диссидентов и окончательным коллапсом экономики. А в 1972 году выяснилось, что «холодную войну» Советы нам проиграли, и дальнейшая гонка вооружений стала бессмысленной. Попытались помириться...

– Встреча Брежнева и Форда в начале семидесятых, – быстро вставил Джозеф.

Роберт кивнул:

– Совершенно верно. Одновременно был подготовлен пакет документов, предполагавший четвертую перестройку. Подробности мало кто знает, но говорят, что Брежнев, ознакомившись с этими документами, заявил: «Дайте умереть спокойно».

– Похоже на анекдот.

– В каждой шутке есть доля истины. Так или иначе, очередная перестройка завершилась, не начавшись. Тем более что в 1979 году Советы сделали роковой шаг: ввели войска в Афганистан. Они не учли наш военный вьетнамский опыт, и результаты оказались столь же плачевными. В политическом же аспекте афганская война стала началом конца, хотя многие отказываются в это верить.

– Согласитесь, Роберт, поверить действительно трудно.

Огромная, практически несокрушимая империя...

– А разве мало было в истории человечества таких империй? Не зря китайцы желают своим врагам жить в эпоху перемен. Русским в этом смысле фатально не везло: после Брежнева к власти пришел Андропов, который, казалось бы, мог остановить процесс распада, но... Но судьба отпустила ему всего лишь год с небольшим...

– Судьба? Я слышал, что этой судьбе чуть-чуть помогли...

– Возможно. У этой милой дамы всегда находятся те или иные помощники. Как бы то ни было, начатая Андроповым перестройка номер пять скончалась вместе с ним. Так что наш друг Горби затеял шестую по счету перестройку, и я готов спорить на что угодно – она тоже провалится.

– Почему вы в этом так уверены?

– Потому что он решил выпустить на простор так называемую предпринимательскую инициативу. Джо, при их политическом строе, при их менталитете это – самоубийство. Через несколько лет Россия окажется в руках мафии, и то, что творилось у нас во времена «сухого закона», покажется просто школьным пикником. Я достаточно хорошо осведомлен о том, что происходит в Советском Союзе. Джо, это – агония, но она может продолжаться неопределенно долго, общество слишком запугано, и многие помнят сталинские времена. Но если чуть-чуть подтолкнуть события...

– Каким образом? – с жадным любопытством спросил Джозеф.

– Убить президента, – безмятежно отозвался Роберт. – Или хотя бы попытаться убить.

– Убить Горбачева?

– Нет. Нашего старого, доброго Ронни, когда он поедет с дружественным визитом в Москву.

Джозеф ошарашенно уставился на своего начальника, за мыслями которого часто не поспевал.

– Зачем, во имя всего святого, вам это понадобилось? – наконец спросил он. – То есть я, конечно, догадываюсь, зачем. Но почему в Москве?

– Простите за каламбур, дружище, но мы таким образом сможем убить сразу двух зайцев. Даже трех. Ублажить «ястребов», произвести кое-какие политические перестановки и, главное, сделать Россию ещё одной страной международного терроризма. Как вы думаете, сядет кто-нибудь после этого с русскими за стол переговоров?

– Думаю, что нет, – пробормотал Джозеф, все ещё осмысливая услышанное.

– А я так просто в этом уверен. Теперь – более чем уверен. Нужный человек найден, проинструктирован, и нам осталось, как я уже говорил, ждать естественного развития событий. Даже если он промахнется, – скандал будет громким. А он не должен промахнуться. Во всяком случае, насколько мне известно, до сих пор он этого не делал.

– А если русские его обезвредят? – поинтересовался Джозеф.

– Для того чтобы кого-то обезвредить, его нужно сначала вычислить. – усмехнулся Роберт. – А информацией располагает такое ограниченное число людей, что утечка практически невозможна. То есть я её просто не допускаю.

– Но если...

– Если у русских есть собственный Джеймс Бонд или князь Малко, то мы, безусловно, проиграем, и мне придется в лучшем случае подавать в отставку. В лучшем случае. Но таких людей там нет. Их там никогда не было. Русские не приучены думать самостоятельно, у них все подчинено распоряжениям вышестоящих, как они говорят, товарищей. И не нужно снова задавать вопрос «А если?». Даже если произойдет утечка, русские обязаны будут поставить нас в известность о том, что на Рейгана готовится покушение. Мы же предупредили их, когда в прошлом году такое планировалось по отношению к Горбачеву во время его визита к нам. Это – неписанные правила охраны любой страны, Джо, и нарушать их никто никогда не будет. Ситуация беспроигрышная на... девяносто девять процентов.

– Почему же не на все сто, босс? – не без ехидства осведомился Джозеф.

– Потому что один процент всегда следует оставлять на непредвиденные обстоятельства, но в данном случае я говорю это из чистого суеверия. Я ведь чертовски суеверен, Джо, наверное, поэтому так долго продержался на своем посту. Хотя... никто ещё не отменял постулата о том, что в на-

шем деле успех от катастрофы отделяет лишь тонкий волосок.

– В прошлом году ребята из охраны Горбачева произвели на меня скорее благоприятное впечатление. Они не выглядят зашоренными идиотами, Боб. А их начальник – тем более. Мне показалось, что он даже чересчур осторожен и умен, хотя всячески пытался это скрыть и уходил от любого серьезного разговора. Этот человек может поломать всю вашу игру. Он отвечает за безопасность Горби, значит, малейшая опасность его насторожит. И вообще, если русские что-то заподозрят...

– То сообщат нам! – с нескрываемым раздражением отрезал Роберт, громыхнув стаканом по столу. – Понятно? А уж я постараюсь, чтобы они никого не обнаружили. Да, вы правы, они не идиоты, но и не супермены. К сожалению, я лично не общался с начальником охраны Горби, но вряд ли он чем-то отличается от всех остальных. В общем, хотите пари? Мне давно нравится ваш портсигар.

– А мне – ваше кресло, босс, – шутливо отозвался Джо-зеф. – Раз вы так уверены в успехе, то давайте заключим пари. Мой портсигар против вашего кресла. Я не слишком много запрашиваю?

Роберт немного отпил из своего стакана и слегка покачал головой:

– Нет, Джо, не слишком. Но вряд ли вы и это получите.

* * * * *

Собеседники и представить себе не могли, что за две недели до заключенного ими пари в одном из ресторанов Нью-Йорка ужинали двое: Руководитель международной террористической организации и его финансовый Советник. Такие ужины давно стали традиционными, между сменой блюд происходил обмен важнейшей информацией, подписывались документы, решавшие судьбу целой страны или нации, не говоря уже об отдельных политических деятелях. Но иногда это были просто приятные совместные трапезы с ни к чему не обязывающими светскими беседами. Руководитель ценил своего Советника за безупречное прошлое (его руки совершенно не были запятнаны чьей бы то ни было кровью), высокую компетентность в его сфере, наконец, за молчаливость. Советника же искренне восхищал тот блеск, с которым Руководитель проводил самые головоломные операции, запутывая службы безопасности и ловко обходя хитроумно расставленные ловушки. Иногда, правда, казалось, что Руководитель внушает Советнику что-то вроде страха – слишком много человеческих жизней было у того на совести и слишком легко он к этому относился, – но это Руководителю было только лестно: он всегда считал, что обладает почти феноменальной силой внушения и может напугать кого угодно одним лишь взглядом.

В тот вечер они встретились за обычным ужином. Разумеется, затрагивались и деловые вопросы, но вскользь, как бы предварительно, примеривающе. На сей раз речь за-

шла о предстоящем визите Рональда Рейгана в Москву.

– Потепление в отношениях? – равнодушно осведомился Советник. – Надо поинтересоваться, нет ли там каких-нибудь стоящих совместных проектов. Можно было бы выгодно поместить часть денег...

– Даже и не думайте, старина, – хохотнул Руководитель. – Гораздо выгоднее просто раздать эти деньги на благотворительные цели. Или выбросить с крыши небоскреба. По крайней мере сейчас, конечно.

– Вы так полагаете? – чуть более заинтересованно осведомился Советник. – Я считал, что для вложения капиталов русские все-таки перспективны. Там начинается какая-то перестройка...

– Она скоро закончится, – безапелляционно отозвался Руководитель. – И не без нашей с вами помощи.

– Мы не единственные, кто может вкладывать деньги в их бизнес, – пожал плечами Советник.

– Вы не поняли, старина. После того, что скоро произойдет, никто не станет вкладывать деньги в русских. Вот тогда придет наш черед. Но только тогда.

Советник чуть приподнял брови и знаком приказал крутившемуся поблизости официанту принести ещё выпивки. Это качество – полное отсутствие любопытства, ну, разве что чуть-чуть обозначенное, из чистой вежливости по отношению к собеседнику, – особенно высоко ценил Руководитель. Людей такого склада он мог пересчитать по пальцам на од-

ной руке.

– Чтобы вы не забивали себе голову, старина, скажу вам: в Москве на Ронни будет покушение. А с террористами, как мы знаем, в переговоры не вступают. Во всяком случае в цивилизованном обществе.

– Они сошли с ума, – отозвался Советник. – Зачем им нужен новый международный скандал? Мало Афганистана?

– Они не сошли с ума. Они ни о чем не знают. Покушение совершит человек, которого я нашел. По просьбе некоторых заинтересованных лиц.

– Я никогда не сомневался в ваших талантах, сэр, но как-то не улавливаю сути в этой интриге. Впрочем, мое дело – финансы, в политике я полный ноль.

На сей раз знак официанту сделал Руководитель. Ужин явно удался, собеседник был идеален, и можно было позволить себе чуть-чуть расслабиться, что происходило крайне редко, точнее – никогда.

– Это правда, старина, не обижайтесь, в политике вы ни черта не смыслите. Да и зачем вам? Достаточно того, что вы – финансовый гений.

– Вы мне льстите, сэр. Если бы я был гением, то мгновенно просчитал бы финансовые выгоды от вашего предприятия.

– Для этого ещё вполне достаточно времени. Я вас проинформировал. Рейган – уже труп, Москву в качестве делового партнера можете забыть навсегда. Стопроцентная гарантия.

Я сам подбираю человека, утечка информации исключена – у меня работают только профессионалы, вы же знаете.

– Снова комплимент, хотя и косвенный, – краешком губ усмехнулся Советник. – Но я свято верю в силу денег и совершенно не верю людям. Особенно с оружием в руках. Ранно или поздно даже ас промахивается...

– Этот не промахнется. В заложниках – его девка, а страх – великая сила. Смешно, право! Бывший спортсмен, кажется, баскетболист, отличный стрелок, ныне преуспевающий европейский журналист – боится...

– Баскетбол не та игра, которая лишает человека чувства страха.

– Я не об этом, – отмахнулся слегка захмелевший Руководитель. – Парень ростом метр девяносто, с великолепной реакцией, отменной физической подготовкой боится моих мальчиков, каждого из которых он мог бы сшибить одним щелчком. Все-таки страх – это двигатель прогресса.

– В какую сторону, сэр? – снова чуть усмехнулся Советник.

– В любую, старина, в любую. А этот журналист, помимо всего прочего, боится, что всплывет его прошлое. А оно, мягко говоря, небезупречно.

– У кого из нас оно безупречно? – равнодушно осведомился Советник, отпивая глоток джина из тяжелого стакана.

– Вы чертовски правы, старина, но ни вы, ни я непосредственно людей не убивали. Вы-то уж точно.

– Он что же – уголовник? Это скользкая публика.

– Он не уголовник, он – бывший террорист. Молодость, романтика, студенческие волнения во Франции, потом – Италия, всякие там бригады, громкое убийство миллиардера-революционера... Да-да, бывают и такие. От правосудия он как-то ушел, но от меня уйти невозможно, вы же знаете. Бедняга, мне даже на долю секунды стало его жалко.

– Простите, сэр, но я в это не верю.

– И правильно делаете старина, правильно делаете. Я не пожалел бы даже собственных детей, если бы они у меня были. Конечно, к счастью, я одинок. К счастью для моих не родившихся детей, разумеется.

Руководитель раскатисто рассмеялся. Советник же позволил себе лишь короткий, сухой смешок.

– Вы сегодня в отличном настроении, сэр.

– У вас оно тоже поднимется, когда мы получим гонорар. Таких денег вы в руках до сих пор не держали... Ага, вот и вас зацепило! Я же говорю: у каждого человека есть свое слабое место. Вы любите деньги, нет?

Советник действительно несколько оживился, глаза его заблестели. Впрочем, причиной этого был алкоголь, а не тема беседы.

– Да, я люблю деньги, сэр, – кротко ответил он. – Но согласитесь, они отвечают мне взаимностью. Точнее, нам.

– Поправку принимаю, старина, она вполне уместна. Короче, через несколько дней наш друг улетает в Европу, ин-

структаж закончен. А уже оттуда, на самых законных основаниях – в Москву... В каком-то смысле эта поездка доставит ему удовольствие. Должна доставить.

– Ради удовольствия едут в более цивилизованные места, сэр.

– Трудно с вами не согласиться, но тут особый случай. Наш друг по крови – славянин. Пусть не стопроцентный, но на три четверти – безусловно. Его предки бежали от большевиков...

– Славянская кровь, как правило, предполагает непредсказуемость, сэр. Чем больше этой крови...

– О боже, старина, избавьте меня от всей этой зауми! Люди отличаются друг от друга оттенком кожи, кровь у всех одного цвета. Впрочем, славяне действительно крайне сентиментальны, потому и удалось заловить на девке нашего друга. В культурных нациях женщинам не придают такого значения, это сугубо декоративный пол...

– Слышали бы вас феминистки, сэр!

– Им это было бы только полезно, старина, только полезно. Впрочем, к черту баб, вернемся к делу. Вы получили информацию, причем даже сверх необходимого объема. Можете теперь прокручивать ваши финансовые комбинации, надеюсь, они будут не менее удачны, чем обычно.

– Думаю, вы правы, сэр, – отозвался Советник. – Информации вполне достаточно, чтобы начать действовать немедленно.

* * * * *

Будучи человеком слова, Советник начал действовать тем же вечером, точнее, ночью. Опытный разведчик, кадровый сотрудник Корпуса национальной безопасности ЧССР, давным-давно успешно внедренный в террористическую среду, на сей раз он сознательно нарушил все правила конспирации и воспользовался тем каналом связи, который существовал для единственного случая – провала.

Пока провала не было. Но не было и времени на то, чтобы дожидаться очередного сеанса. Информация должна была уйти в Центр немедленно, а сам он после этого должен был исчезнуть. То есть исчезнуть должен был Советник, а это означало, что десятилетия его кропотливой и сложной работы по проникновению в Организацию можно было считать перечеркнутыми.

Он стоял перед выбором: продолжение прежней работы или передача информации чрезвычайной важности. На компромисс времени не было.

«А если я преувеличиваю важность информации? Если все это – застольный треп, или, ещё более вероятно – очередная проверка на лояльность? Сколько я уже их прошел, этих проверок... Нет, не похоже. Слишком серьезные фигуры замешаны. Да и операция в Советском Союзе тоже проводится впервые. Черт с ним, с президентом, пусть в него стреляют, ему, кстати, не привыкать, но не в Москве. Иначе будет катастрофа. Какие там приметы у этого террориста?»

Хуже всего было то, что на сей раз Руководитель подобрал исполнителя лично. Значит, ни по какой, даже самой сверхсекретной картотеке ничего установить не удастся. А для того, чтобы вычислить кого-то давно бездействовавшего, нужны даже не недели – месяцы сверхтщательной и сверхосторожной работы с людьми и документами. Этих месяцев, естественно, не было. Была только чрезвычайно скупая, к тому же непроверенная информация: участник студенческих волнений во Франции в 1968 году, замешан в убийстве итальянского миллиардера в начале семидесятых годов. Журналист, законопослушный гражданин, отличный стрелок. Есть невеста или просто любимая девушка, ставшая заложницей Организации. И – единственная на данный момент зацепка – не просто высокого, а очень высокого роста.

«Тут Руководитель чуть-чуть просчитался. У террориста не должно быть особых примет. Во всяком случае таких, которые нельзя было бы замаскировать. Блондин, брюнет – это все изменяемо, даже глаза теперь «перекрасить» не проблема, были бы под рукой соответствующие контактные линзы. А рост – это серьезно. Вот от этого и нужно отталкиваться, благо искать «клиента» будут среди журналистов, а не в сборной по баскетболу.

Второй пункт – знание французского языка. Опять-таки не слишком много людей в мире на нем говорит, большинство предпочитает английский. И третье – способ проведения операции. Снайпера не станут использовать для того,

чтобы подложить взрывчатку. И оружие он должен везти с собой. А оружие обычно бывает металлическим... Каким образом они надеются проскочить через проверку в аэропорту? Можно, конечно, спрятать пистолет в самолете, вариант обкатанный в бесчисленных случаях попытки угона. Но ведь тут пистолет придется из самолета выносить.

«Значительная примесь славянской крови. Какой именно? По внешнему виду это не определить, а в Европе, тем более в Америке, все славяне – русские, будь он хоть чехом, хоть евреем. Предки бежали от большевиков? Допустим. Это не значит, что их потомок знает русский язык, предки с одинаковым успехом могли быть поляками или украинцами... То есть, кроме роста и профессии, все предположительно. Профессии? Тут можно поставить вопросительный знак: никто не даст гарантии, что этот тип не явится в страну под видом туриста. Хотя такой способ передвижения ограничивает возможность осуществления его миссии, но тем не менее... Тем не менее времени у меня практически нет. Осталось ровно столько, сколько необходимо для действий, а не для аналитических размышлений».

Советник просидел несколько часов, спрессовывая и без того не слишком обширную информацию, которую можно было бы уместить на крышке спичечного коробка. А потом вышел из дома и сел в машину, чтобы добраться до неприметного бара на окраине Нью-Йорка. Никогда и ни при каких обстоятельствах он не смог бы объяснить Руководителю, за-

чем ему понадобилось тащиться в это захолустье. Впрочем, он и не собирался ничего объяснять. Если информация дойдет по назначению, товарищи в Москве обязаны будут поделиться ею с коллегами из американской Службы безопасности президента, а это в считанные часы станет известно Руководителю. Но выбора все равно не было.

В баре – малолюдном и тем не менее основательно прокуренном, Советник сел к стойке и заказал виски. Достал сигареты и зажигалку, но та никак не хотела срабатывать.

– У вас есть спички? – раздраженно спросил он у бармена, флегматичного негра средних лет. – Есть или нет?

– Прошу вас, сэр, – протянул ему коробок бармен.

Советник прикурил и глубоко затянулся. Потом щелчком переправил спичечный коробок обратно, к подхватившему его на лету бармену. Сценка заняла несколько секунд, никто из немногих ночных посетителей заведения на неё и внимания не обратил.

А между тем передача срочной информации состоялась. Теперь нужно было уходить – не из бара, а вообще. Искать надежное укрытие, связываться с коллегами, выбирать из страны. Оставалось только одно – обрубить все концы, оборвать нити, которые могут навести Руководителя на источник утечки информации. А когда утечка обнаружится, будет уже поздно что-либо предпринимать. И тем более – кого-то допрашивать и наказывать.

Советник не знал, кто конкретно воспользуется его ин-

формацией – очень давно не был на Родине. Но верил в то, что из неё не пропадет ни крупницы, коллеги и в Праге, и в Москве сделают все возможное и невозможное, чтобы предотвратить трагедию. Ему же следовало как можно быстрее добраться до дома и завершить начатое – исчезнуть.

Он уже почти доехал до поворота на свою улицу, когда его внезапно ослепили фары встречной автомашины. Секунда – и мчавшийся на немыслимой скорости спортивный автомобиль врезался в «Шевроле» Советника. Грохот, скрежет металла, вспышка невыносимо яркого пламени...

Когда Руководителю на следующий день доложили, что Советник ночью погиб в автокатастрофе, он сначала не поверил своим ушам.

– Черт побери, вчера за ужином он не говорил, что куда-то собирается ехать! На него это вообще не похоже. Правда, мы выпили немного больше, чем обычно, но не настолько же. Выяснили, куда его носило? Покушение исключено?

– Абсолютно, сэр. Чистая случайность. За рулем другой машины сидел какой-то обкурившийся юнец. И потом нужно было знать, что Советник куда-то поедет ночью. А этого никто не мог предположить.

– Квартиру осматрели? Заметили что-нибудь необычное?

– Совершенно ничего, сэр. Но, судя по всему, Советник не ложился спать. И много курил.

– Он всегда много курил, – мрачно пробормотал Руководитель. – Наверняка таскался к девкам, я подозревал, что та-

кой сухарь и аскет должен исподтишка к ним шастать. Вызывал бы на дом, я сам мог бы порекомендовать. Черт, как досадно! Из-за ерунды теряю лучших людей. Позаботьтесь о достойных похоронах. Я лично буду присутствовать. И дайте некролог в газеты, как обычно. Что-то мне это не нравится...

Центр получил информацию о смерти своего резидента значительно позднее. В чешских газетах, в отличие от нью-йоркских, некролога не было. Был издан только внутренний приказ о посмертном присвоении очередного звания и награждении орденом подполковника Ладека, погибшего при исполнении служебных обязанностей. Переданная им информация через несколько часов была переслана из Праги в Москву специальным курьером, которого прямо с аэродрома доставили в «лес». Не в избушку, затаившуюся в глухой чащобе, а в огромное современное здание, высившееся в нескольких сотнях метрах от Кольцевой дороги к юго-западу от Москвы, где спустя какое-то время человек в звании генерал-полковника снял трубку прямого правительственного телефона, в просторечье «вертушки», и соединился с председателем организации, обеспечивающей безопасность первого в мире государства рабочих и крестьян. Организации, чья аббревиатура – КГБ – внушала невольный трепет не только врагам...

Глава вторая

Страх смерти заложен в человеке изначально, как и инстинкт самосохранения. Если этого инстинкта нет, человек готов идти на саморазрушение: тогда – одно из двух: либо у него не все в порядке с психикой, либо им движут какие-то более высокие мотивы, нежели спасение собственной драгоценной жизни. Мужчины могут сколько угодно демонстрировать свою храбрость, но ведь это лишь бравада. Другое дело, что к смерти, например, или к серьезной опасности можно относиться разумно и попытаться её избежать, а можно забиться в угол и дрожать мелкой дрожью.

Да, существует страх за кого-то или что-то, страх за близких или любимых, страх потерять работу, наконец. Но последнее к делу не относится, а первые два присущи любому мужчине, если он мужчина, которому есть за кого бояться. Но тогда он, как это ни парадоксально, менее всего боится за себя.

Есть ещё страх потерять лицо и покрыть себя позором. Для многих это хуже физической смерти. Ведь не случайно же большинство настоящих боевых офицеров всегда предпочитали пулю в висок позору, иногда случавшемуся не по их вине.

На самом деле люди боятся только собственной смерти. Враг, противник для них не «хомо сапиенс», как он сам,

а существо с другой галактики, подлежащее уничтожению во имя, ну и так далее. Врагов не жалко, за них не страшно, бывает страшно и очень страшно за себя. А вот ему и за себя страшно не было.

Он несколько раз думал, что не подвержен чувству страха из-за недостаточно развитого воображения, никак не может он представить свой конец – и все тут. Оказалось, – может, причем со всеми страшными подробностями. На войне пахнет не столько порохом, сколько кровью и дерьмом из развороченных тел, и, раз почувствовав этот запах, забыть его уже невозможно.

Нет, ему было страшно. Когда в одной из «интернациональных войн» вражеские истребители атаковали именно тот пятачок, на котором окопалось его подразделение, казалось, что он просто-таки торчит над поверхностью Земли, хотя и старался зарыться в неё как можно глубже, и что его, с позволения сказать, тыл, ровно в два раза превышает по объему весь земной шар, представляя собой идеальную мишень для бомбежки.

Но после отбоя он сам удивлялся таким ощущениям: ну, побомбили, ну, Бог миловал, не попали. На войне, как на войне. И вообще – пуля дура.

Тут же вспомнил старый пошловатый анекдот: муж застал жену с хахалем, тот с перепугу выскочил в окно, а окно-то на самом высоком этаже. Летит мужик вниз и переживает: «И зачем я к этой дуре пошел, у неё и ноги кривые, и во-

лосы крашенные и вообще... Все, больше никогда!» Тут полет закончился, мужик приземлился цел и невредим, встал, отряхнулся и говорит:

– Летел всего ничего, а сколько ерунды напридумывал!

Аналогичная ситуация, со смешком подумал он тогда. И на какое-то время забыл. Хотя сны про бомбежку иногда видел и тогда просыпался от собственного крика. Но наяву – нет, не помнил и не боялся.

«Бояться смерти, – утверждал Платон, – это не что иное, как приписывать себе мудрость, которой не обладаешь, то есть возомнить, будто знаешь то, чего не знаешь. Ведь никто не знает ни того, что такое смерть, ни даже того, не есть ли она для человека величайшее из благ, между тем её боятся, словно знают наверное, что она – величайшее из зол. Но не самое ли позорное невежество – воображать, будто знаешь то, чего не знаешь?»

Страшнее для него было терять боевых товарищей, которые иногда гибли даже не по нелепой случайности, а из-за идиотских приказов сверху. Только что сидели, пили, разговаривали – и вот уже вместо человека цинковый гроб, в котором иногда вообще ничего нет, так как собирать было нечего. «Горячие точки» – не курорт и даже не боевые маневры.

Сколько он их прошел, этих «горячих точек»! Роман бы написать, причем не один, но беда заключалась в том, что он патологически не умел врать так, как это умеют беллетристы. Для дела, по работе – сколько угодно: дезу запустить, со-

стряпать какой-нибудь особенно интересный документ, чтобы сбить со следа сразу всех, собеседнику запудрить мозги так, что тот три дня потом не мог припомнить, о чем, собственно, разговор-то шел.

Женщинам, естественно, он врал – ну, это святое.

А вот ни в чем не повинным читателям врать не умел. Разрешили писать правду, дали «добро», так флаг тебе в руки, излагай все, как было, не выдавай свое желаемое за тогдашнее действительное, не раскрашивай живые цветы и не отмечай на карте развивающиеся страны. Там и так места немного осталось.

Поэтому единственным абсолютно правдивым художественным произведением про «это» он считал не повесть и даже не рассказ, а песню одного из таких же боевых офицеров, как он. Там все было именно так, как он видел своими глазами, и, услышав песню один раз, запомнил навсегда, повторяя иногда про себя и поминая ушедших:

«Сегодня луна что-то смотрит так пристально
И кислым вином старый кубок польщен.
Я выпью до дна эту древнюю истину,
Я пью за друзей – за кого же еще?
За те километры, что сотнями меряны,
За пот, что с нас лился подобно ручью,
За драки, где мы не считались с потерями,
Я пью без остатка и снова налью.
Садись за стол со мной, луна,

Садись и пей до дна.

Плевать на все, ведь жизнь одна,

Всего одна.

Налью вина, и мы, луна,

Напьемся допьяна.

Пьем за друзей, так что, луна,

Давай, до дна.

За литры той крови, москитами выпитой,

В болотах вонючих, в дремучих лесах.

За скалы, что чтут наши пальцы разбитые,

За шаг с самолета, туда, в небеса.

За ночь у костра с опаленными нервами,

За сбор по звонку, перелеты в ночи,

.За тех, кто всегда и везде были первыми,

Сегодня мы пьем, просто пьем и молчим.

И пусть для кого-то вы кажетесь странными,

Для очень немногих, а, может, для всех.

Но если вас в тридцать зовут ветеранами,

За это не выпить, естественно, грех».

Повторял потому, что ни его ушедшие друзья, ни он сам иного себе и представить не могли. Только первыми. Во всем. Везде. Зная эту его «слабость», начальство и вызвало сегодня к себе именно его.

Задание, которое он получил утром, было, мягко говоря, сложным. Следовало буквально за несколько дней вычислить, найти и обезвредить человека, затеявшего ни больше ни меньше покушение на президента США Рейгана во время

его предстоящего визита в Москву летом 1988 года.

Наверное, следовало испугаться и попросить поручить это дело кому-то другому. Но у полковника госбезопасности СССР Владимира Николаевича Миронова, как уже говорилось, практически отсутствовало чувство страха. Такая вот интересная особенность организма. А уж собственной работы он тем более не боялся, равно как и начальства любого ранга.

Посему в назначенный по московскому времени час полковник Владимир Николаевич вошел в кабинет шефа – начальника управления генерала Прохорова. Пока Владимир Николаевич шел к столу, генерал как бы заново разглядывал своего ближайшего подчиненного: высокого, даже для мужчины, роста, но худощавого, спортивного сложения человека, цепкий взгляд которого фиксировал все мелочи, казалось, смотрел он прямо перед собой, на генерала, но взгляд скрывался за массивными темными очками. Вся его фигура излучала удивительное спокойствие и одновременно напоминала крадущегося хищного зверя, вот-вот готового совершить решительный прыжок на жертву.

«Этот справится, – подумал Прохоров. – Должен справиться. Если же спасует, тогда поставленная задача нереальна и нет на свете человека, который смог бы её решить».

– Здравствуй. Проходи, садись.

– Серьезное дело, товарищ генерал?

– У нас других не бывает, товарищ полковник, сам зна-

ешь. А уж это – серьезнее некуда.

– Даже так? И что случилось?

– По непроверенным пока агентурным данным, планируется покушение на нашего гостя.

– Здесь? У нас? В Москве?

Невозмутимый доселе полковник на какой-то миг опешил.

– Вот именно, здесь, в Москве, во время визита. Не нравится он кому-то, хотят нас крепко поссорить, ну да ладно. Есть мнение – обеспечение безопасности визита поручить именно вам. Всю имеющуюся информацию получите позже, хотя её пока, как говорится, ноль целых хрен десятых.

– То есть террориста надо попытаться для начала вычислить.

– Вот именно. Вы же аналитик, вам и карты в руки. Понимаю, выше головы не прыгнешь, но...

– Но придется. И исполнитель, как я понимаю, не советский гражданин.

– Естественно. Правда, вроде бы славянин, но и это под вопросом. Хотя в принципе это мало что меняет. У террористов нет национальности. А наши ещё вообще младенцы, только-только начинают.

– И тут же, как правило, оказываются у нас, не успев ничего сделать, – спокойно возразил полковник.

– Сглазишь – успеют, – сделал попытку мрачно пошутить генерал. – Вот тогда набегаемся.

– Это вряд ли. Со своими-то всегда легче разобраться. А ведь американский террорист совсем не похож на своих «коллег» из других стран. Это обычно одиночка, который желает отыгаться на лидере страны или на каком-либо другом высокопоставленном лице за свои личные жизненные неудачи или попытаться таким путем добиться известности. И даже если у этого террориста есть политические мотивы, то они, как правило, касаются не серьезных политических проблем, а опять же личных, мелких политических симпатий-антипатий. Его действия уверены и трудно предсказуемы... Но это я, похоже, лекцию начал читать.

– Давай-давай. Тебе для разминки, а мне интересно. И что же американцы?

– А то, что американский террорист обычно страдает психическими отклонениями, которые проявляются внезапной агрессией. По данным Секретной службы, только в Вашингтоне таких – тысячи. Например, Хинкли, который стрелял в Рейгана в 1981 году.

– Черт, опять в Рейгана! Ладно, про историю терроризма мы как-нибудь продолжим в более спокойной обстановке. А сейчас...

– Вычислить и найти «гастролера».

– Вот именно. Я тебя по-человечески прошу, не приказываю – найди этого подонка. Вычисли. Мог бы и приказать, да сам понимаю – бессмысленно. Так что если боишься...

Полковник чуть вскинул голову, и это незаметное движе-

ние сказало его начальнику все.

– Ну, извини, ну, неудачно выразился. Так как?

– Раз надо, значит надо, – пожал плечами полковник.

Он подумал немного, потом поднялся и щелкнул каблуками:

– Разрешите выполнять?

– Сделай милость, – как-то нехарактерно для него, по-стариковски вздохнул генерал, который в это утро в свои неполные шестьдесят лет выглядел на все семьдесят. – Мы с тобой понимаем, во что ввязываемся, а там, наверху, разбираться не будут. Либо голова в кустах, либо грудь в крестах.

– Мне как-то ближе «со щитом или на щите», – улыбнулся полковник и вышел из кабинета.

Генерал проводил его внимательным взглядом и снова принялся за изучение бумаг, от которых оторвался на момент разговора с полковником. Механизм был запущен. Насколько генерал знал, задание, каким бы нереальным оно ни казалось, будет выполнено. А о другом исходе событий он в эту минуту даже и думать не хотел.

Направляясь к своему кабинету, полковник вспоминал события не очень давние, но уже успевшие стать историей, – визит Михаила Сергеевича Горбачева, первого Президента СССР, тогда бывшего ещё Генеральным секретарем ЦК КПСС, в Америку. Тогда ему в числе других товарищей пришлось выехать в Америку в составе передовой группы и досконально осмотреть все на месте. Увиденное и услышанное,

мягко говоря, его не обрадовало. По Вашингтону ходил почти анекдот о том, как некий досужий турист ухитрился проникнуть на лужайку Белого Дома и чуть ли не позавтракать там с высокой парламентской делегацией. А уж манера Михаила Сергеевича выходить из машины в самых неожиданных местах и общаться «с народом» была всем известна. Дома, как известно, и стены помогают. А в чужой стране?

Здесь же ситуация складывалась – хуже некуда. Проблема обеспечения безопасности поездки Рейгана была очень серьезной. Во-первых, визит должен был произойти за несколько месяцев до новых президентских выборов в США, где уже давным-давно сложилась старая добрая традиция физического уничтожения неугодных кому-то президентов, что для России, согласитесь, было экзотикой. Хотелось верить, что так и будет, по крайней мере в ближайшее время.

У американцев же счет покушений уже шел на десятки, включая вице-президентов и некоторых сенаторов. Приоритет пока был явно на советской стороне и уступать американцам пальму первенства никто не собирался, да и вообще милое дело – застрелить американского президента на московской земле. Весь мир взвояет – и будет прав.

Каждый считает свою систему безопасности совершенной. Он вспомнил цитату из когда-то нашумевшего английского детектива о попытке покушения на генерала де Голля. «Шакал отлично знал, что ни одного из лидеров запад-

ного мира не охраняли так тщательно, как президента Франции. Убить его было куда труднее, чем, скажем, президента США, Дж. Ф. Кеннеди, что и подтвердилось впоследствии. Убийца-англичанин, однако, не ведал о том, что американцы любезно предоставили экспертам французской службы безопасности возможность досконально ознакомиться с охраной президента Кеннеди, и те остались очень невысокого мнения о своих заокеанских коллегах. Шакалу предстояло тягаться с едва ли не одной из лучших в мире служб безопасности...».

«Всяк кулик свое болото хвалит, – невесело пошутил про себя полковник, усаживаясь за письменный стол. – А что, если нам подсунут именно такого Шакала? Хотя мы вроде бы не хуже французов охранять умеем, но и те в последние полсекунды покушение предотвратили, и то чудом. Выстрелы в Брежнева больше напоминали фарс, чем профессионально спланированную акцию. А если...»

От внезапно пронзившей его мысли полковник даже встал с кресла и нервно заходил по кабинету. А если вся эта «информация» о попытке покушения на Рейгана – деза чистой воды. Если стрелять будут в Горбачева? Да нет, вряд ли... Но и этим предположением нельзя было пренебрегать. Политические преступления в СССР в моду пока не вошли – с КГБ не забалуешь – это не какое-нибудь либеральное ЦРУ, но ведь когда-то и они могут начаться. И первый же камешек превратится затем в лавину, и тогда не то

что от политиков – от всей страны костей не соберешь, от Великой и Неделимой-то. Когда же наконец принесут эту чертову информацию?

А если это – просто проверка резидента, который стал подозрителен? Они будут суетиться и тем самым элементарно «засветят» ценного работника. Да нет, не может быть, проверку тот уж как-нибудь распознал бы и не стал «гнать волну», рискуя жизнью. Если, если, если... А все эти «если» нужно обдумать, проанализировать и только тогда отказываться от версии или принимать её в расчет. И практически никаких критериев, кроме собственной интуиции и немалого опыта работы с любой информацией, любой – от промышленного шпионажа до политических провокаций. От терроризма пока Бог миловал.

И вообще борьба с терроризмом в СССР – новинка. Спыхватились, что нужно готовить профессионалов только тогда, когда на Мюнхенской олимпиаде палестинскими террористами была чуть ли не в упор расстреляна израильская команда, именно в то время и создали группу «А», с легкой руки журналистов получившей потом название «Группа Альфа».

Теперь это -профессионалы высочайшего класса. Но и они «вычислить» террориста вряд ли смогут, не их это профиль, они могут только захватить и уничтожить. Хотя без помощи «Альфы», естественно, не обойтись. Но тут должны быть задействованы и пограничники, и таможен-

ники, и милиция – десятки тысяч людей, действиями которых нужно руководить, причем делать это, не раскрывая смысла операции. В общем, съесть апельсин, оставив кожуру в неприкосновенности.

Это, конечно, сложнее, чем дать команду: «Фас», особенно если не можешь открыто указать объект.

«– Справишься, полковник?»

«– Но те, кто всегда и во всем были первыми...»

Рейган... Фигура, уже ставшая в Америке достаточно одиозной. Полковник вспомнил, что ему рассказывал там, в Вашингтоне, один из ближайших охранников президента – Дэн. Точнее, Деннис Маккарти. Хорошо тогда побеседовали, душевно. Только Дэна, как стало потом известно, попросили «выйти вон». Не за контакт ли с советским полковником? Все может быть, преувеличиваем мы порой масштабы западной хваленной демократии. Так что же он рассказывал? Припомнить, что ли, пока не доставили срочную информацию?

Память, никогда не подводившая полковника, и в эту минуту безотказно выдала чуть ли не дословный текст беседы с Деннисом, будто на экран телевизора...

«30 марта 1981 года возле отеля «Хилтон» в Вашингтоне собралась толпа, чтобы поприветствовать находившегося там президента Рейгана. Я такие сцены за четверть века службы в охране наблюдал тысячи раз.

Президент вышел и направился к своему бронированному лимузину, я шел на несколько шагов впереди. Повторяю:

все было, как всегда. Еще несколько секунд – и дверцы захлопнутся, машина поедет в Белый Дом. Только-только я собрался с облегчением вздохнуть, как услышал слева негромкий хлопок: как будто лопнул воздушный шарик. И тут же – второй такой же. И тут я понял, что никакой это не шарик и даже не хлопушка, а выстрел из пистолета.

Дальше все происходило, как в замедленной киносъемке, – для меня. Со стороны же все было очень даже стремительно, потому что покушавшийся на президента, некто Хинкли, как мы потом выяснили, за полторы секунды выстрелил шесть раз. Шесть! Я бросился к нему сразу после второго выстрела, а навалился на него при шестом, так что эта последняя пуля ушла куда-то вверх и застряла в стене между этажами. От остальных выстрелов пострадали, не считая президента, двое: пресс-секретарь Джеймс Брейди и один из охранников.

Прикинь: ничего такого особенного в моих действиях не было. Каждый охранник в Белом Доме готов пожертвовать своей жизнью ради спасения президента, это наша работа, нас так готовят. Я отработывал каждое движение сотни раз при проработке самых различных ситуаций. Личная охрана президента должна работать четко, строго в соответствии с предписаниями, никакие импровизации тут неуместны. И обязательное условие: держаться непосредственно перед злоумышленником, заслонять собой охраняемый объект. Понимаю, что в нормальной обстановке об этом

трудно спокойно рассуждать, но в экстремальной ситуации не до рассуждений, действуешь совершенно автоматически. Так готовят всех сотрудников нашей секретной службы...

Почему секретной? Да ничего особенно секретного в ней нет, кроме названия. Просто так сложилось. За несколько дней до своей гибели тогдашний президент Авраам Линкольн создал секретную службу по борьбе с фальшивомонетчиками. Было это ещё в 1865 году. Но только полвека спустя, в 1901 году, когда ухлопали президента Маккинли, конгресс специальным решением возложил охрану президентов именно на эту службу. Не потому, что там сотрудники были лучше всех, а потому, что располагалась она в здании Казначейства, в двух шагах от Белого Дома. Удобно же, когда агенты всегда под рукой. Так и повелось...

Закон есть закон, хоть для охранника, хоть для президента. Отказаться от охраны, пренебречь собственной безопасностью он не может, права не имеет. Стал человек хозяином Белого Дома – автоматически попадает под нашу опеку, что бы он там про себя ни думал. У Джимми Картера, к примеру, врагов, считай, не было, так все равно за ним охрана по пятам ходила. Ох он и злился иногда! А мы ему в ответ: «Господин президент, нас направил сюда американский конгресс». И все, разговор окончен.

Кстати, не только президента это касается. Когда в 1968 году смертельно ранили Роберта Кеннеди, Линдон Джонсон вызвал к себе руководителя секретной службы

и потребовал, чтобы со следующего же утра все кандидаты на пост президента страны получили надежную личную охрану.

Сделали. Я, кстати, пришел на эту службу в 1964 году, тогда сотрудников было от силы триста человек. Сейчас – более двух тысяч. И ничего не много: по инструкции возле каждого кандидата в президенты должно постоянно находиться двадцать семь секретных агентов. Про президентов вообще молчу: из последних шести стреляли в трех, тут никакие меры безопасности лишними не покажутся. В Америке вообще стрелять любят...

Я? Нет, я как раз не люблю, но я и в охрану-то попал, считай, случайно. Закончил университет, должен был заниматься экономикой, но тут подвернулась возможность заняться вот такой активной деятельностью.

Одной физической подготовки и желания защищать кого-то мало: нам же доверяют жизнь и смерть самого могущественного человека. Кадровики все мое прошлое перевернули, бывших соседей опрашивали, школьных преподавателей, даже моих подружек – всех до единой, причем я кое-кого и сам-то не помнил. А как же иначе? Некоторых ребят, кстати, кадровики отшили только потому, что те когда-то по молодости и глупости схлопотали привод в полицию за драку или легкое опьянение.

Охранник – это же не бревно бесчувственное, которое тупо ходит следом за объектом. У нас переживаний и стресс-

сов, наверное, побольше, чем у большинства «нормальных» людей. Ответственность-то какая! Помню, когда мы узнали о том, что Индира Ганди погибла от рук одного из своих телохранителей, нас всех чуть ли не неделю лихорадило: представить себе не могли, что наш коллега, пусть и в другой стране, смог пойти на такое... Нет, у нас этого не может быть потому, что этого не может быть никогда. Даже не обсуждается...

Я, между прочим, очень рано поседел. Тоже от постоянных стрессов. Со стороны кажется, что ближе охранника к президенту никто не подходит, что охранник вроде бы причастен к каким-то там «секретам небожителей». Да я половины не слышу, о чем он там говорит! У меня только одна мысль: как бы чего не случилось, позор будет на всю страну, не перенесу я этого позора. Вот тебе и сопричастность.

Нет, конечно, я не один за безопасность президента отвечаю. Около него постоянно от двенадцати до двухсот агентов находится, в зависимости от обстоятельств и ситуации. А в зарубежных поездках – так вообще несколько сотен. Даже если президент отправляется в поездку по стране, обычные меры безопасности как минимум удваиваются.

Правильно, такое можно только у нас увидеть. Потому что «президентский синдром» чисто американская штука. Чуть что – сразу хватаются за пистолет, причем любой псих свои личные проблемы связывает не с кем-нибудь, а только с самим президентом. Ничего я не преувеличиваю, та-

кие умники к Белому Дому ежедневно приходят, причем даже не скрываются. Наши статистики насчитали около сорока тысяч «озабоченных», все их данные, адрес там, телефоны у нас есть. Но среди них по-настоящему опасны человек двести. Тоже немало. Эти действительно в любой момент могут попытаться убить президента...

Да-да, знаю, что ни Освальд, который в Кеннеди стрелял, ни Хинкли этот, который на Ронни покушался, ни в каких списках не значились. Просмотрели... Но теперь, если этот самый Хинкли из психиатрической лечебницы выйдет, за ним четверо агентов будут ходить повсюду. Даже, извиняюсь, в сортир. Только где гарантия, что завтра не объявится ещё какой-нибудь придурок «на новенького»? Нет такой гарантии! Вот и приходится подозревать всех и каждого. Работа такая...

Почему ужасно? Ничего не ужасно, нужно только привыкнуть и не расслабляться. Даже если человека проверяли-перепроверяли, разрешили ему находиться совсем рядом с президентом, мы все равно должны быть начеку. Проверяют одни люди, охраняют – другие.

Правильно, охрана – это целая наука. Идет президент – рядом с ним обязательно находится как минимум пять агентов. Двое впереди, двое сзади, один – на расстоянии в два метра. Главная задача следить за ближайшими рядами людей, в основном за их глазами и руками. Если какой-то человек в нескольких метрах от президента держит руки в кар-

манах, то все мы получаем по радио соответствующий сигнал. С этого момента человек находится вообще под особым наблюдением, которое снимается только тогда, когда подозреваемый вынимает руки из карманов.

Да ладно, подозреваемый! Они все для нас – подозреваемые, достаточно нервного движения или бегающих глаз, чтобы мы все насторожились. В помещениях, кстати, то же самое, только там народу, как правило, меньше, и вероятность попадания случайного субъекта минимальна. Все равно руки агента всегда должны быть свободны – мало ли что. Мы не имеем права даже передать супруге президента букет цветов. Зонтик президенту подать не можем, для этого существуют специальные люди. Случайности нам не нужны.

Вот зарубежные поездки – это сплошная головная боль. Своих мы знаем в лицо, а там – масса агентов их местной секретной службы, сплошь и рядом без каких-либо опознавательных знаков. Если бы кто-то из них в чрезвычайной ситуации вытащил револьвер, то мы бы такого субъекта в считанные секунды прикончили на месте, а уже потом стали бы разбираться. Но это – крайности, такого в нашей, точнее, в моей практике не было.

ТЬфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить. Нет, с вами таких проблем нет, вас сразу узнать можно. Почему? А черт его знает, можно – и все тут. Есть что-то такое... неуловимое.

Нет, мы не отгоняем от президента ни журналистов, ни демонстрантов – это не наше дело, лишь бы дистанцию со-

храняли. Это – политика, а мы в политику не вмешиваемся. Как это у вас говорят: «Ругань к воротнику не пристаёт»? Ах, «Брань на ворота не виснет». Но это уже нюансы, смысл-то сохраняется, нет?

Почему мы все одинаково одеты, да ещё носим темные очки? Нет, это не «синдром Джеймса Бонда», ничего подобного. Объясняю: нам выгодно, чтобы злоумышленники знали о нашем присутствии, видели в толпе секретных агентов. Тогда они начинают нервничать и совершать ошибки, что и требовалось доказать. А за очками не видно, куда мы на самом деле смотрим. Такой психологический приемчик. Между прочим, если краской в лицо брызнут или ещё какой-нибудь гадостью, то очки лишними не окажутся.

Да что я распинаюсь, ты сам такие очки даже в помещении не снимаешь. Я же говорю: рыбак рыбака...

Мы служим не президенту, а государству в лице президента. Никсону как-то удалось обмануть бдительность охраны и уехать в гости к другу без охраны. Когда президент вернулся, один из наших ждал его с заготовленной бумагой, в которой говорилось, что Никсон впредь отказывается от охраны. Оставалось только подписать. Так ни подписи президента под этим документом не появилось, ни последствий у этого инцидента не было. Проявили, так сказать, взаимное уважение.

И остальных высокопоставленных лиц мы только охраняем, а не оказываем им какие-то дополнительные услуги.

Джонсону очень хотелось, чтобы охрана выгуливала его собаку. Не вышло. Киссинджер все время пытался заставить кого-то из нас носить за ним «дипломат». Тоже не вышло, мы просто каждый раз напоминали, как бы невзначай: «Господин доктор, простите, вы забыли свой кейс в машине». Нам хватает забот и без того, чтобы выступать у кого-то в роли носильщика.

Самое сложное, конечно, это сопровождение официального кортежа президента по городу. Машины не должны двигаться со скоростью больше, чем пятнадцать километров в час, чтобы агенты, бегущие по сторонам лимузинов, успели в случае чего сесть в одну из машин или прийти на выручку президенту. Все время ведется пристальное наблюдение за крышами домов, окнами, дверьми. Как только президент садится в машину, кортеж немедленно начинает двигаться, опоздавших не ждут, какой бы высокий пост они ни занимали. Бывали случаи, когда мы бросали даже... супругу президента. При этом маршрут кортежа известен только тому агенту, который сидит в головной машине, он сам его выбирает из трех имеющихся вариантов в зависимости от ситуации.

Кеннеди? Нет, в Далласе все делалось по правилам, секретная служба никаких ошибок не допустила. Просто ситуация не поддавалась полному контролю. К тому же сам президент наотрез отказался выполнять рекомендации охраны: не надел пуленепробиваемого жилета, не позволил агентам

ехать с ним в одной машине... Ошибка секретной службы если и была, то только в том, что она не проявила достаточной твердости. Это не оправдание, просто констатация факта. Хотя... больше возникновения таких ситуаций мы старались не допускать.

Да-да-да! Хинкли нас перехитрил! Так мы все после этого четыре дня находились на грани нервного срыва. Не знаю, что бы лично я делал, если бы покушение на Рейгана удалось. Наверное, подал в отставку и до конца жизни мучился бы угрызениями совести. Застрелиться? Мне? Это ещё зачем? Моя смерть президента бы не воскресила, а отставка, между прочим, тоже штука серьезная. Мы же гордимся своей работой, по-настоящему гордимся. И вдруг оказаться не у дел и никем? Страшнее наказания и придумать-то невозможно...

Да, гордимся. Когда президент находится в Белом Доме, он может нажать специальную кнопку тревоги под рабочим столом в Овальном кабинете, и мы окажемся рядом с ним ровно через две секунды. Мы любим повторять, что «слышим биение сердца президента». Мы охраняем личные апартаменты президента, в официальных кортежах находимся в нескольких мгновениях досягаемости. И никогда не приближаемся к нему просто так, без веской причины или его вызова. Хотя...

Хотя был один забавный случай. То есть это сейчас он кажется забавным, тогда было не до смеха. Мы сопровож-

дали Никсона в Румынию. Последний пункт в тринадцатидневной поездке по европейским странам. Все, естественно, вымотались — и президент, и охрана. В Бухаресте где-то уже после полуночи Никсон решил позвонить своему советнику в Вашингтон. Разговор получился настолько долгим, что телефонист в Белом доме забеспокоился и решил проверить связь. Оказалось, что линия президента... молчит. Телефонист тут же связался с секретной службой, которую в тот день возглавлял как раз я. «Трубка президентского аппарата снята, но никто не говорит». Представляешь, что я в тот момент ощутил?

Да и не только я, мы все... Убит? Сердечный приступ? Какие-то серьезные проблемы? Я вошел к нему в комнату и увидел, что президент... спит с трубкой возле уха. Я хотел, не тревожа его, положить трубку на аппарат, но сон у Никсона оказался чутким: он так и подскочил, решив, что на него напали злоумышленники. Слава Богу, обошлось. Никсон даже поблагодарил меня за заботу.

Вообще-то ситуация, конечно, та еще! Прикинь: глубокой ночью, в коммунистической стране, в постели, к шее тянется незнакомая рука... Хотя все наши президенты отдают себе отчет, что их жизнь постоянно буквально висит на ниточке. И, как правило, действительно испытывают к нам чувство благодарности. Бывают, правда, исключения. Джонсон, например, относился к охране как к прислуге. Но с теми, кто сумел себя достойно поставить, он все-таки вел себя доста-

точно корректно.

Тут, я скажу, палка о двух концах. Мы ведь тоже люди, со своими недостатками, слабостями... Один раз я видел, как у президента сдали нервы. Это было во время «Уотергейта», помнишь, был такой скандал при Никсоне? Так вот, президент сказал речь по телевидению из Овального кабинета, вышел и... разрыдался в коридоре у меня на глазах. Мне хотелось подойти и успокоить его, но это не входило в мои обязанности.

Единственное, что я мог сделать, — это на несколько секунд отвернуться, не смотреть... Инцидент так и остался между нами, сейчас я о нем впервые вспомнил вслух. Но Никсон вообще был человеком очень эмоциональным. После какой-то встречи на высшем уровне он со мной разговаривал два часа. Представляешь себе, мы два часа сидели с ним на балконе и говорили... о футболе. Нормально, да?

Но иногда бывают такие проколы... Опять же только тебе рассказываю. Пока у меня сын был маленьким, я всегда держал дома револьвер отдельно от патронов. Приходил домой, разряжал, а патроны прятал. И в одно прекрасное утро в спешке забыл вставить магазин на место. Так и охранял президента весь день практически безоружным. Если бы кто-нибудь узнал... Обошлось.

Вообще-то часто бывает так, что удается скрыть, казалось бы, невозможное. Я могу вспомнить несколько попыток покушения на жизнь президентов, пресеченных, так ска-

зять, на корню. Одного покушавшегося, например, выдала его собственная сестра, без её сообщения неизвестно, как дело бы обернулось. Вообще-то гарантия стопроцентной безопасности – абсолютный вздор. Никто и никогда такой гарантии не даст, если он настоящий профессионал. Мечта любого охранника – поместить президента под бронированный колпак. Но это невозможно, к сожалению. Вижу, что и вам это не удастся».

Полковник подумал, что не удастся не только это. О тех условиях, в которых работают американские коллеги, тоже можно только мечтать. А теперь ещё новая напасть – неизвестный террорист, которому приспичило убивать Рейгана именно в Москве, и о котором практически ничего неизвестно, если не считать каких-то полученных кружным путем сведений. Информации, так сказать, к размышлению... Где же, наконец, эта чертова информация?!

«Чертова информация» содержала несколько скудных страничек, полученных даже не непосредственно из Америки, а кружным путем, из одной страны «третьего мира». Предполагаемый объект намерен совершить покушение на президента США во время его визита в СССР. Профессия – журналист. Особые приметы: рост превышает метр девяносто, телосложение спортивное, возраст средний. Негусто, но хоть рост нестандартный, например, азиатских корреспондентов, можно отсеивать, не глядя. Да и среди французов, испанцев и итальянцев такой субъект – редкость.

Значит, американец или северный европеец. «Славянское», с позволения сказать, происхождение ничего не дает: эмигрантов из Восточной Европы во всем мире хоть пруд пруди, в иных странах их уже чуть ли не больше, чем местного населения, а для американцев до сих пор нет никакой принципиальной разницы между литовцем и кубанским казачком, так что эти сведения можно оставить просто «для комплекта».

Не исключено – бывший спортсмен, хотя высокий рост ещё ни о чем не говорит, знал по себе. Но если сам о себе точно знаешь, что в баскетбол отродясь не играл, то о других точно ничего известно быть не может. Значит, нужно ехать в соответствующий департамент и на всякий случай посмотреть нужные бумаги. И не только туда нужно ехать, и не только там эти бумаги смотреть...

Восемь лет назад было легче. Тогда Москва готовилась к Олимпиаде, и в столицу стянули столько милиционеров и сотрудников госбезопасности, что даже карманные кражи прекратились, не говоря уже о чем-то более серьезном. В то время он был майором, отвечал только за свой участок работы и за своих подчиненных, при этом не спал сутками и дома практически не появлялся. И все-таки тогда было легче. Ладно, отставить ностальгию, полковник. Задание получено и его нужно выполнить во что бы то ни стало.

Он снял телефонную трубку и негромко сказал:
– Это «сотый». Машину к подъезду...

Глава третья

Это утро началось, что не характерно, с рассвета. То есть часиков эдак с двенадцати дня. Понимаю, в это время большинство трудящихся уже всюю создают материальные и иные ценности, а некоторые даже приступают к их реализации. Но я – сова – и раньше десяти часов с постели меня можно поднять только боевой тревогой. И то – вряд ли. Правда, пока никто такого эксперимента не проводил, поэтому гипотеза так и осталась лишь гипотезой.

Мог бы, конечно, провести мой, с позволения сказать, жених, которого по-модному ещё называют «бой-френдом». Типичный, кстати, жаворонок. Но Севочка – так звали моего «френда» – любил себя трепетно и страстно и предпочитал лично варить себе кофе и жарить дежурную яичницу, пока его подруга досматривала сладкие сны. Да и Севочку с данного момента можно было уже считать прошлым, а не объективной реальностью, данной мне в очень конкретных ощущениях. Ночью я сожгла мосты, перешла Рубикон, сделала героическую попытку исправить свою жизнь к лучшему, ну и так далее. Проще говоря, сбежала от своего ненаглядного, выбрав свободу и независимость. И чувство сожаления об утрате меня не постигло, хотя с точки зрения окружающих мне ещё выскажут – в этом я не сомневалась! – поступок мой был не столько эксцентричным, сколько идиотским.

Но я придерживалась на этот счет диаметрально противоположной точки зрения: за двадцать два года моей жизни это был один из немногих умных шагов.

Впрочем, первое время все было прекрасно и изумительно. Пока мы с Севочкой жили в квартире его родителей, которые занимались ответственной работой за пределами нашей Родины, все ещё могло как-то сложиться. Мы свободно перемещались в двухкомнатных сталинских апартаментах, Севочка отлично ориентировался в запасах одежды и провизии, имевшихся в доме, а от меня требовалось только следить за чистотой жилища и личной гигиеной предполагаемого спутника жизни. Ну, и борщ там какой-нибудь сварганить или салатик постругать – ерунда, говорить не о чем!

К тому же мы оба были студентами и основное время проводили на всяческих тусовках, прочно усаживаясь дома только в недолгие периоды сессий. О каких-то там детях и речи не было! Родительские рефлексy у нас обоих отсутствовали по определению, а на еду вкусы, наоборот, были общими, да и сигареты мы курили одной и той же марки и примерно в одинаковых количествах. Так что имела место где-то даже идиллия, почти готовая плавно перетечь в супружескую. Хотя я в отличие от подавляющего большинства моих сестер по счастью принадлежать к слабому полу, о белой фате и марше Мендельсона не грезилa. Почему – не знаю, но не грезилa, и все тут. Возможно, у меня просто атрофировано абстрактное воображение.

Но дело не в моем воображении, а в том, что со временем в наших с Севочкой отношениях начались сложности. Сначала неопределенные, потом очень даже конкретные. Первая проблема состояла в том, что я, заглянув однажды утром в глубины своего подсознания, поняла, что любимого своего ни капельки не люблю и замуж за него не пойду ни при какой погоде. И что это вообще глупо, если данный конкретный мужчина – первый в твоей молодой жизни.

Но все вокруг так закатывали глаза, так ахали: «Ах, Всеволод, ах Белоконь, ах, будущая краса и гордость советской журналистики!», что мое юное любопытство пересилило все остальные чувства, в том числе и чувство самосохранения. Кроме того, поскольку в отличие от других глаз я отнюдь не закатывала и вообще не ахала, то на общем фоне неожиданно для себя вышла в финал и стала считаться как бы его невестой.

Замечу, кстати, что ни о каких нежных чувствах ко мне он и не заикался, а мое мнение считалось как бы необязательным. В общем, «жила-была девочка, сама виновата».

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что будущая краса и гордость интересуется лишь тремя вещами: собой, любимым, квартетом «Битлз» и газетой «Советский спорт», в которой намеревался работать после окончания института, но не простым обозревателем, а, сами понимаете, заграничным. Ну, и что мне было делать, если патлатых английских парней я на дух не переносу, а от спортивных комментари-

ев у меня случается крапивница? Какое-то время я терпела, справедливо считая, что идеала на свете нет и в обозримом будущем не предвидится, но потом мое терпение кончилось, и я решила Севочку от себя освободить. Уступить место другой девушке, которая по достоинству оценит выпавшее на её долю счастье. «Я и сама ей дверь отворю, крепкого чаю ей заварю...» Приходи, сказка!

И тут я выяснила, что мои планы у ненаглядного оптимизма не вызывают.

То есть он категорически отказывался воплощать их в жизнь, его вполне устраивало сложившееся положение дел. Робкие намеки на несходство характеров и привычек Севочка пропускал мимо ушей, мои участвовавшие приступы плохого настроения не замечал, что называется, в упор, а от серьезных разговоров уворачивался так же виртуозно, как от своих соперников на баскетбольной площадке, когда те пытались отобрать у него мячик. А время, между прочим, шло...

– Давай разойдемся? – предложила я Севочке когда мы благополучно закончили институт и получили распределение. – Мирно, благородно, как интеллигентные люди. Найдешь себе приличную девушку из хорошей семьи... Красивую...

Дело в том, что моя семья Севочкиных родителей категорически не устраивала. Точнее, отсутствие этой самой семьи. Мои героические родители произвели меня на свет и ука-

тили на какую-то стройку века, где благополучно и затерялись навсегда, оставив меня на бабушкиных руках. Та не менее героически дотащила меня до поступления в институт и с явным облегчением отошла в мир иной, успев обучить меня основам домоводства и французскому языку.

Во дворе я играла только с мальчишками, была шустрой и угловатой, за словом в карман не лезла и страшно любила устанавливать социальную справедливость. В начале восьмидесятых это ещё не считалось экзотикой, а скорее – милым чудачеством. Но все равно было утомительно. Для окружающих, разумеется. В общем, рыжее, конопатое, не признающее косметики стихийное бедствие.

Бабушка оставила мне однокомнатную квартиру в панельной пятиэтажной «хрущобке», но зато на Арбате, и предоставила жить по собственному усмотрению. Я и жила: подрабатывала чуть ли не в заводских многотиражках и гордилась тем, что вполне могу прожить на рубль в день. И тут на меня обратил благосклонное внимание Севочка, дал мне роскошную и оригинальную кличку «Рыжая» и пригласил разделить с ним холостяцкий быт. Откажись я тогда от всего этого – меня бы просто не поняли подруги и знакомые. Да и если честно, первый мужчина, обративший внимание на такого гадкого утенка, как я, просто по определению выглядел Прекрасным Принцем и Спасителем Благородным.

Да и на работу мы устроились, мягко говоря, по-разному: я в издание третьего уровня на грошовую ставку, Севочка –

в вожделенный «Советский спорт» с железным обещанием первой же заграничной вакансии. Сбылись все мечты! А ему именно теперь предлагают разойтись, да ещё таким тоном, словно лишнюю чашку чая наливают:

– Лучше скажи, что ты уже кого-то нашла, – простенько среагировал мой суженый. – Поперспективнее.

– А это возможно? – с максимальной долей лести спросила я.

– Нет, конечно, – пожал плечами Севочка, не отрываясь от футбольных страстей на голубом экране. – Но женщины странный народ.

– Тебе виднее, – осторожно заметила я.

Донжуанский список моего приятеля не был секретом ни для кого ни в нашем институте, ни в Москве, ни даже за её пределами. Почему он остановил свое благосклонное внимание на мне – рыжей дурнушке – и держал при своей особе, оставалось только гадать. Впрочем, и мужчины, замечу, не без странностей.

– Так как насчет того, чтобы разойтись? – вернула я много к теме разговора. – Ты не против?

– Против, – голосом вокзального диспетчера ответил мне Севочка. – Ты без меня пропадешь. А я из тебя сделаю человека.

Как будто я его об этом просила!

– Не пропаду, – пообещала я. – А человека сделаешь из кого-нибудь еще, ладно? Тем более, скоро возвращаются

твои родители.

– Переедем к тебе! – последовал безмятежный ответ.

Тут уж я разозлилась по-настоящему. К счастью, футбол прервался политической хроникой, и диктор радостным голосом сообщил, что в сфере потепления международных отношений к нам через пару-тройку недель собирается приехать с официальным дружественным визитом американский президент Рейган. Ну, прямо гора с плеч: я жутко волновалась за международную обстановку.

Севочка политику тоже не жаловал, поэтому выключил телевизор и зашуршал листами любимой газеты, всем своим видом давая понять, что мое присутствие в комнате, тем более – разговор в этот момент как бы нежелательны. Воз по-прежнему оставался там же, где был.

– Давай все-таки разойдемся, – тоскливо предложила я. – Нельзя же держать человека насильно. Тем более, что и любовь у нас с тобой... Кстати, она вообще была? Тебя это когда-нибудь интересовало? По-моему, ни капельки.

И вот тут-то Севочка и отличился. Он отшвырнул газету, вышел на балкон (пятого, замечу, этажа), ухватился за перила и повис на руках над пустотой. При его регулярных баскетбольных экзерсисах и занятиях на всевозможных тренажерах трюк в общем-то несложный, но впечатляющий. И потребовал, чтобы я немедленно поклялась ему в любви и верности до гроба, иначе он просто разожмет руки и...

Я уважила его просьбу, причем голос у меня дрожал

не столько от страха, сколько от злости. Терпеть не могу шантаж, да ещё такой нетонкий!

– Так вот, – отчеканил мой ненаглядный, вернувшись в комнату, – никто ни с кем не расходится. Наоборот. До моего нового назначения осталось всего ничего, потерпишь. А потом регистрируемся и поедem работать за границу. Скорее всего, в Бразилию.

– Где много-много диких обезьян, – пробормотала я себе под нос, все ещё находясь под впечатлением увиденного на балконе акробатического этюда.

Отличительной чертой Севочки было ещё и то, что он совершенно не знал даже тех клише, которые были на слуху у всей страны. И вообще слушал в основном себя.

– Какие, к черту, обезьяны? – повысил он голос. – Займись лучше квартирой, посмотри, в каком она состоянии. Это же зоопарк какой-то!

По-моему, такие штуки называются ассоциативным идиотизмом.

Я покорно занялась санитарно-техническими работами, тихонько лелея в душе коварные замыслы и не без надежды ожидая, что милый после всего пережитого скоро заснет и мне не придется ещё и заглаживать свою вину в койке. Не лежит у меня душа к этому занятию, не доросла, наверное, или темперамент вялый. Севочка же на моем, прямо скажем, нимфеточном фоне выглядел просто сексуальным гигантом, чем невероятно гордился. Возможно, в этом

и крылась его привязанность ко мне: всякие сравнения его возможностей и особенностей с кем-то ещё просто исключались. Хотя в ту, хоть в другую сторону. Но вот в вопросе о замужестве и дальнейшей совместной жизни...

Нет, за границу мне хотелось не меньше, чем любой нормальной советской девушке, но... без Севочки. Если бы он хоть сказал, что любит меня или ещё что-то в этом роде... Увы, романтикой в наших отношениях и не пахло. Подозреваю, что на роль супруги я была выбрана по принципу: «Жениться надо на сироте». Просто других сирот в то время под рукой не оказалось и пока не предвиделось, а по хозяйству от бабушки я много чему успела научиться. Бесплатная домработница – поди-ка плохо, и без хлопот.

Да и вообще девушка просто приятная во всех отношениях, без амбиций и претензий, зато со своей жилплощадью и уже имеющейся московской пропиской. Такие, между прочим, в наше время на дороге не валяются, даже на обочине не залеживаются.

Это я к тому, что определенную цену себе все-таки знала и поэтому решила, наконец, сама стать хозяйкой своей судьбы, а не ждать милостей ни от природы, ни от Севочки. Поэтому когда квартира была доведена до стерильного блеска, я перестирала и перегладила все нуждавшееся в этом белье, сготовила обед на пару дней и, собрав свои нехитрые шмотки, тихо выскочила из дома, не забыв оставить на видном месте ключ от квартиры ненаглядного, с очень трогательной

запиской: «Не ищи меня, Белоконь. Все кончено».

Довольная собой и своим литературным произведением, я шагала по предрассветной Москве, полной грудью вдыхая сладкий воздух свободы. От Сокольников, где обитал мой суженый, до моих апартаментов в переулке Арбата было часа два хода, я преодолела их за полтора, заперлась в квартире на все имевшиеся там запоры, отключила телефон и повалилась спать. Снились мне синие медведи и розовые слоны, безжалостно расправлявшиеся с оголтелыми стаями бразильских обезьян.

Мне эти милые млекопитающие были действительно глубоко неинтересны. Специализировалась я в так называемых «очерках морали нравов» – жанр в то время чуть менее безобидный, чем футбол, а также пыталась стать фотокорреспондентом, чего мне почему-то не позволяла пара мэтров в нашей газете с трогательным названием «Социалистическая промышленность». Сдохли бы, но не позволили. А в газету я попала после распределения в институте, и должна была Бога молить за такую милость, потому что в девяти шансах из десяти должна была попасть в какую-нибудь провинциальную многотиражку. Десятым же шансом оказался пост корреспондента в вышеупомянутом издании, и я за него ухватилась, так как родилась в Москве, в ней выросла и в ней же надеялась – со временем, конечно, – умереть. Хотя платили мне, прямо скажем, столько, сколько обеспечивало мои сверхминимальные потребности, а к более вы-

годным видам работ не подпускали.

Мелкими же заданиями коллеги со мной всегда делились щедро, особенно нудными, зная, что Орлова (это я) материал вытянет, что называется, «на зубах» и у начальства не будет никаких неприятностей. Писать люблю вообще до умопомрачения, поэтому любую, самую неблагодарную работу коллеги норовили свалить на меня. А вот фотографировать – фигушки. Но я не жаловалась, только решительно не понимала, что буду делать в Бразилии со своим спортсменом, представляя, как зачахну без любимой работы от тоски ровно через неделю. Тем более – вдали от Москвы.

«Решено! – подумала я, проснувшись после недолгого, но освежающего сна и включила телефон. – Начинаю новую жизнь. И не с понедельника, а прямо сегодня. Попью кофейку, подумаю, приду в редакцию раньше всех, сяду за стол и начну работать. Коллеги сойдут с ума от такой перемены – ну и Бог с ними».

С этими спасительными мыслями я снова провалилась в сон, и разбудил меня телефонный звонок. Но это был не Севочка, как я в первую минуту подумала, а редактор одной из не слишком популярных газет, редакция которой к тому же располагалась на другом конце Москвы. Он предложил мне все-таки приехать за завалавшимся там с прошлого года гонораром. Уж если повезет, то по всем программам сразу!

Деньги лишними не бывают, причитавшейся мне трид-

цатки могло с лихвой хватить на удовлетворение моих месячных потребностей (свобода, свобода!), посему я наскоро ополоснула лицо, влезла в джинсы и майку, завязала на затылке «конский хвост» (как бы в отместку Севочке, который эту прическу почему-то ненавидел и бесконечно требовал, чтобы я постриглась «под Гавроша» и не пренебрегала косметикой. Все бы ничего, но беда заключалась в том, что в таком «прикиде» я выглядела как щенок в эполетах) и вылетела из квартиры сначала на лестницу, а потом во двор, имевший неприятную особенность в виде очень крутого поворота в него с улицы. Местные это знают, а чужаки в наши тупиковые дворы заходят крайне редко.

В ту самую секунду, когда я выскочила из-за этого чертового поворота на Кропоткинскую улицу, слева буквально из ничего материализовалась черная «Волга» и, как мне показалось, стремительно прыгнула на меня. Отдам должное водителю, машина затормозила в полумиллиметре от края моих кед. Могло быть и хуже, конечно, причем намного, но я все равно не удержалась на ногах и брякнулась на сияющий лаком капот, пребольно ушибив голову, бок и, кажется, локоть.

Обе дверцы распахнулись одновременно, и два мужских голоса, как мне показалось, хором, заорали:

– Дура! Машина не целует, она давит! С ума сошла?

По-моему, вместо слова «целует» было использовано нечто более емкое и выразительное, за подробности не ру-

чаюсь.

Следующим номером программы я обнаружила себя на заднем сидении этой самой дурацкой машины, причем сидевший рядом со мной человек в светлом костюме достаточно крепко обнимал меня за талию.

– Но-но, – сказала я как можно более грозно. – Мы едва знакомы, а вы уже допускаете такие фамильярности.

– Помолчите-ка, – негромко ответил мне человек, в голосе которого отчетливо слышалась привычка командовать. – Неизвестно, что вы там себе переломали. Сейчас поедem в травмпункт...

– Еще чего! – возмутилась я. – Высадите меня у ближайшего метро. А если некуда девать время, поинтересуйтесь лучше, не попортила ли я ваш лимузин. Так что вам – на станцию технического осмотра, а мне по делам. Разойдемся, как в море корабли...

Меня поджидали вожделенные тридцать рублей кровно заработанных денег, а я должна тратить время на какие-то пункты! Сами сумасшедшие, допустим, но зачем меня в свою компанию тащить?

– Дима, – продолжил мужчина, обращаясь к водителю, словно не слыша моих патетических воплей и остроумных замечаний. – Сейчас высадишь меня у Кутафьей башни и часа за два постарайся управиться. Отвезешь эту милую даму в травмпункт и убедишься, что с ней все в порядке. Потом вернешься за мной и доложишь ситуацию. Понадобит-

ся госпитализация – организуешь. Ну да не мне тебя учить. И никакие её возражения не слушай. Просто детский сад какой-то! Была бы моей дочерью, ей-богу, выпорол бы.

Дима молча кивнул, даже не повернув головы в мою сторону.

– Детей бить непедагогично, – назидательно заметила я, стараясь взять себя в руки.

На самом деле меня просто колотило от самого настоящего страха. Не хочу в больницу, терпеть не могу никаких больниц! Стоило сбегать от Белоконя, чтобы угодить под это черное четырехколесное чудище, под опеку молчаливого Димы, в руках которого и руль-то был практически незаметен. Да я лучше утоплюсь!

– Никаких больниц, – открыла я было рот, но меня снова как бы проигнорировали. Впрочем, не до конца.

– Как вас хоть зовут, дитя природы? – спросил мой сосед, и довольно ловко ощупал мне голову и плечи. – Да не дергайтесь, я не покушаюсь на вашу честь и достоинство. Элементарный предварительный медосмотр. Голова не болит?

– Майя, – буркнула я, решив с этой минуты выдерживать стиль гордого достоинства и неприступной холодности. – Ничего у меня не болит. Я вообще очень здоровая.

– Как это вас родители одну из дома выпускают? – покачал головой мой собеседник. – Вы же представляете ходячую опасность для транспорта. Точнее, бегающую. Со зрением-то проблем нет, деточка?

Нашелся, буквально на мою голову, благородный отец!

– Я торопилась... И вообще, надеюсь, мои проблемы очень скоро перестанут вас волновать.

– Кто знает... На свидание, конечно, торопилась?

– С утра пораньше? Делать мне больше нечего! – возмущилась я. – В редакцию, за гонораром. Надо успеть до двух. Так что больницы отменяются. И вообще вам не кажется, что ваши вопросы становятся слишком личными? А местами просто смахивают на допрос с применением...

– Отставить истерику, – негромко сказал мой собеседник, и я почувствовала, что действительно вот-вот разревусь. – Будете делать, как сказано. Прежде всего, вытрите лицо и выморкайтесь, деточка.

Я полезла в сумку за носовым платком, но его там, естественно, не было. Платки я теряю прямо-таки с космической скоростью, хоть булавками пришпиливай. В этот момент машина затормозила у стен Кремля.

– Возьмите мой платок, ребенок, – иронично, но не зло предложил мой собеседник. – А мне пора. Надеюсь, все будет в порядке. Правда, Дима?

Молчаливый Дима снова кивнул, дождался, пока его начальник покинет салон, и рванул с места в карьер. Надо полагать, все-таки в травмпункт.

Что ж, раз врач сказал – в морг, значит – в морг. И платок на память подарили, хотя мне всегда казалось, что такие сувениры дамы преподносят кавалерам, а не наоборот. До-

рогой платок, пахнет дорогим одеколоном, если не духами. Я бы удавилась, расставаясь с таким предметом конфекции.

В травмпункте было, как всегда, столпотворение, но Дима показал регистраторше какую-то книжечку, и меня быстро стали осматривать, задавая попутно всякие дурацкие вопросы: не болела ли я в детстве желтухой да не страдала ли эпилепсией какая-нибудь из моих двоюродных теток. Просто дурдом какой-то!

Честно говоря, процедура нравилась мне все меньше и меньше, но если от врачей ещё как-то можно было сбежать, то удрать от Димы не представлялось никакой возможности. Он добросовестно ходил за мной по всем кабинетам, и ему это почему-то разрешали. Ну, ладно, пока осматривали голову и светили в глаза фонариком, это в принципе можно было пережить. Но вот продемонстрировать незнакомому мужчине мой бюст мне хотелось меньше всего на свете. А он, мужчина, даже не делал попытки отвернуться. Товарищ явно не страдал излишней деликатностью.

Всего забавнее было видеть, как он «рассекал» за мной по коридорам травмпункта. В узких коридорах лечебницы Дима двигался как-то боком, бессознательно имитируя походку неувядаемого Терминатора. Милосердные сестрички теряли дар речи, видя двухметровый атлетически сложенный экземпляр «хомо сапиенс» с невероятно синими глазами. Смерть девкам, да и только! И такой мужик тащится за какой-то пацанкой, которая явно не ценит своего счастья

и как бы даже делает одолжение, с кислым видом – так и быть позволяя себя сопровождать!

Но я после жизни с Севочкой относилась к атлетическим красавцам с некоторой опаской. Кто их знает, какие они там на самом деле? Мне бы чего попроще, через годик, скажем, свободной жизни. На данный конкретный исторический момент мне мужчины были принципиально не нужны и не интересны.

Кстати, чтобы не забыть. Впоследствии, умудренная своим жизненным опытом, я уже никогда не делала таких вот «программных» заявлений. Даже мысленно. Поскольку пришла к твердому убеждению: каждый раз при этом кто-то там, совсем наверху, скептически качает головой и с усмешкой произносит:

– Это кто тут у нас принимает решения? Кто руководит процессом? А не хочешь ли ты...?

И ситуация при этом меняется, не побоюсь этого слова, кардинально. Но это так, кстати. Заметки на полях шляпы...

– Никакой госпитализации не требуется! – радостно заявила наконец толстая тетка в белом халате. – Сотрясения мозга не нахожу, конечности и ребра целы, внутренних повреждений не имеется. Шишка на лбу, конечно, побудет немного. И синяк на подбородке.

Вот радость-то! Всю жизнь мечтала иметь шишку на лбу и синяк на подбородке. Дивное добавление к моим веснушчатым прелестям! Единственным слабым утешением могло

послужить то, что если мозг не сотрясся, значит, он все-таки есть. То есть его как бы обнаружили, но видимых повреждений не оказалось. Пустячок, а приятно.

– Как это вас угораздило, милочка? – все так же добродушно осведомилась тетка. – С буфетом столкнулись? Трамвай догнали?

– Это все он, – пробурчала я, мстительно указывая на несчастного Диму и подсознательно ожидая вызова милиции.

Не ко мне, естественно, а к моему нечаянному «телохранителю». За нанесение, значит, легких телесных повреждений, а это, если не ошибаюсь, влечет за собой какие-то уголовно-административные санкции. Но моим коварным замыслам не суждено было претвориться в жизнь.

– Милые бранятся – только тешатся, – подарила меня тетка чеканным афоризмом, выписала соответствующую справку и велела выметаться, а то в коридоре полно страждущих.

Препираться я не стала – выкатилась, слыша за собой сопение Димы, грозное, как шаги Командора. А если ему придет в голову воплотить мое воображаемое в свое действительное? Даст подзатыльник – и, в общем, будет прав. Причем от его подзатыльника, судя по всему, мозг мог не просто сотрястись – элементарно выскочить через ухо или носоглотку.

– Куда вам? – спросил мой спонтанный конвоир.

– До ближайшего метро, – ответила я, приводя в нормаль-

ное положение руки, которые до этого чисто рефлекторно держала за спиной. – И спасибо за помощь. В качестве группы поддержки вы просто незаменимы.

Впервые я увидела на мужественном Димином лице нечто, напоминающее улыбку, и подумала, что в свободное от работы время он наверняка неплохой парень. А тут – изволь радоваться – возись с полудохлыми тетками, которые кидаются под колеса.

– Паспорт со справкой возьмите, – почти дружелюбно посоветовал он мне, выпуская из машины возле станции метро. – Регистрироваться сегодня мы с вами вряд ли пойдем.

Да у него и чувство юмора имеется! Вот бы ему Севочку на стажировку месяцев на девять. Может, человек бы получился.

– Сегодня не пойдем, – покладисто согласилась я. – Дел скопилось – ужас! Но созвонимся обязательно.

Черная «Волга» надменно фыркнула и уплыла в неизвестном направлении, а я помчалась в редакцию за гонораром, на ходу сочиняя душераздирающую историю о бандитском нападении на мою хрупкую особу. Мне повезло: до закрытия кассы оставалось ровно пять минут. Я получила гонорар, пошталась по коридорам, выкурила по сигаретке с девчонками и даже сообразила позвонить шефу в ту газету, где трудилась. Сообщила, что сегодня скорее всего не приду: произошло мое столкновение с асфальтовым катком, и теперь милиция выясняет стоимость нанесенного мною материаль-

ного ущерба.

– Тебе бы, Майя, фельетоны писать, – хмыкнул пребывавший в благодушном настроении начальник. – Ладно, гуляй, но чтобы завтра – как штык: нужно к двенадцати сдать очерк о героях-строителях метрополитена. Фотографии уже готовы, причем лучше твоих.

Вот это пожалуйста – очерк, заверенный во всех инстанциях, давным-давно дожидался своего часа, даже фотографии я к нему сделала. Но лежал, пока наши газетные фотомэтры не удосужились создать очередной фотошедевр. Теперь машина закрутилась. А мой номер восемь – когда надо, спросят. Должна радоваться, что вообще дают хоть что-то делать, студентка вчерашняя!

Я ещё немного потусовалась в газете, выпила кофейку и отправилась домой, чувствуя себя миллиардершей, на середине пути я обнаружила, что чисто машинально сделала пересадку по направлению к жилищу своего экс-суженого и поняла, что голову все-таки ушибла прилично. Забыть об обретенной свободе в тот же самый день... Нет, это уму непостижимо!

Поболтавшись и покатавшись ещё какое-то время по подземному лабиринту, я выбралась на поверхность и бодро зашагала к дому. Жизнь поворачивалась ко мне своей казовой стороной, а такое везение нужно было ценить по достоинству. Или хотя бы по факту наличия. Но судьба не дала мне времени это сделать. Точнее, не столько судьба, сколько мое

вечное, с позволения сказать, «везение».

Живу я на последнем этаже пятиэтажки, вестимо, без лифта, зато с балконом. На лестнице у нас всегда полумрак, не сказать, чтобы приятный, но вечера пока еще длинные, да и трусихой особой я никогда не была. Самое страшное, что меня ждало – встреча с разгневанным Севочкой, а это в принципе можно было и пережить. Да и не должен бы он был, если, конечно, по уму, разыскивать меня в первый же вечер после побега. Следовало дать мне возможность самой осознать всю экстравагантность и неуместность своего поступка. Осознать и приползти назад, робко выпрашивая прощения. А вот фигушки!

Сейчас приду домой, приму душ, заварю чай... Господи, хорошо-то как!

Запустив руку в выдавшие виды сумку, я почувствовала противный холодок, пробежавший по спине. Ключей там не было! И где я их посеяла, оставалось только гадать. Похоже, ночь мне предстояло провести на каком-нибудь вокзале, и от этого предчувствия я непроизвольно хлопнула носом и полезла за носовым платком. Повевало незнакомым, но явно дорогим мужским одеколоном, я вспомнила утреннее приключение и приготовилась зареветь по-настоящему. Это же надо, то под машину влетаю, то ключи теряю. Для одного человека в один день многовато получается.

– Проблемы? – раздался над моей головой низкий, с хрипотцой голос, который я уже когда-то слышала. – А не надо

было говорить, что для меня ваши проблемы кончились. На-дерзили – получили.

Я подняла глаза. Возле чердака на лестнице сидел мужчина, которого я могла различить только в самых общих очертаниях. Вполне, впрочем, крупных, в смысле габаритов.

– Не проблема, а трагедия! – вздохнула я. – Потеряла ключи от дома. А вызывать кого-то на ночь глядя ломать дверь... Да и кого, собственно?

Мужчина пружинисто вскочил на ноги и начал спускаться ко мне. Чем ближе он подходил, тем больше я улавливала знакомых черт.

– Вот эти? – протянул он ко мне руку, на указательном пальце которой болталась до боли родная связка из двух ключиков.

– Откуда вы... – начала я и тут же осеклась. – Да вы же тот самый тип, который сбил меня сегодня утром!

Ну, конечно, тот же голос, тот же разворот плеч, те же затемненные очки, скрывающие чуть ли не пол-лица. И тот же одеколон, что и на платке!

– Положим, это вы пытались сбить мою машину, – вежливо отпарировал мой собеседник. – Но не смогли. А ключи я нашел потом в салоне, на полу. Точнее, Дима нашел.

– Но адрес... Ах я, идиотка! Дима же все слышал в этом травмпункте.

– И даже запомнил. Работа у него такая. А я вот решил вернуть вашу собственность, иначе бы вы в дом уж точно

не попали.

– И не лень было? – язвительно спросила я.

– Немного было, – покладисто согласился мой собеседник. – Но другого выхода просто не оставалось, у вас.

– Диму послать, – предложила я. – Ну, ладно, за ключи спасибо, за гуманизм – тем более. А что дальше? Домой я вас пригласить не могу, там не прибрано.

– Догадываюсь. Да я и не собирался сегодня к вам в гости, если уж на то пошло. На работу мне сегодня уже не надо, вечер, прямо скажем, теплый, дышать в Москве нечем. Скажите, у вас купальник есть?

Так, значит, поедем участвовать в конкурсе красоты где-нибудь в элитной сауне. Нашел дурочку!

– Представьте себе, есть, – осторожно ответила я. – И что же все-таки дальше?

– Пойдите захватите его, а я подожду тут, за дверью.

Наверное, выражение лица у меня было то еще, потому что мой знакомый незнакомец весело рассмеялся:

– Поедем купаться, – простенько сказал он, закончив веселиться. – Душно, я устал, все дела могут подождать до завтра. А в компании с красивой женщиной...

Ну, если с красивой, тогда конечно. Сейчас, вот только шнурки проглажу. А вдруг он маньяк какой-нибудь? Пусть ждет под дверью хоть до второго пришествия. Думает, если он с машиной, так сразу все можно? И купальник, и красивую женщину, и баранки к чаю.

И тут снизу послышались знакомые севочкины шаги. Вот уж этого мне хотелось меньше всего на свете – выяснять отношения, да ещё при посторонних. Пусть уж лучше ма-няк меня утопит или продаст в какой-нибудь притон! Я метнулась в квартиру, схватила что-то подвернувшееся мне под руку из купальных принадлежностей, захлопнула дверь и чинно стала спускаться вниз с новым кавалером, пролагавшим дорогу.

Встреча произошла точно на уровне третьего этажа.

– Ты куда это собралась? – зловеще поинтересовался Севочка – И с кем, позволь узнать?

– Купаться, – решила я ограничиться одним ответом, поскольку второго искренне не знала. – Душно, я устала, а все дела можно отложить на завтра. И вообще, я же просила тебя сыграть со мной в прятки и не найти. На-до-е-ло!

– Никуда ты не пойдешь! – отрезал Севочка, поднимаясь ещё на несколько ступенек, что позволило ему «перерастить» моего спутника как минимум на полторы головы. – Хватит, набегалась. На панель собралась? И что вообще могло тебе надоест? Да такой мужчина, как я, и ты, рыжая дура...

Я так и не поняла, почему Севочка вдруг сел на корточ-ки и прислонился к стене: мой спутник сделал всего лишь неувловимое движение рукой в его направлении. Я заглянула в глаза экс-любимому, там стояли самые взаправдашные слезы боли. Да и цвет лица у него несколько изменился, приблизившись к сине-зеленой стене подъезда.

– Пальцем не тронул, – бормотал он, – только правду сказал, и вот, пожалуйста. Ты пожалеешь, Майка. О многом пожалеешь. На коленях приползешь, только поздно будет. Ты хоть соображаешь, с кем связалась? Он же таких, как ты, пучками на завтрак ест.

Переживания явно сделали Севочку красноречивее, чем всегда, но пассаж об утреннем меню моего нового знакомого я решила оставить без внимания. Людоеды в наших широтах – это пока ещё экзотика, несмотря на ощутимый продовольственный кризис.

– Вряд ли доползу... до Бразилии, – скептически заметила я. – Уж лучше вплавь, но это вряд ли, хотя поеду сейчас потренируюсь – на всякий пожарный. А вообще, мне действительно надоело. Уйди, пожалуйста, а? Только если можно – через дверь, а не через балконные перила. И не вешайся потом в сортире – это пошло, наконец. Доберешься до Бразилии, повесишься на пальме. Все-таки более романтично, но тоже банально, с точки зрения обезьян.

Тут Белоконь вдруг абсолютно по-детски всхлипнул и сказал нечто совершенно для него несуразное:

– Ты забыла меня, словно бомбу в метро...

– Здорово красиво! – восхитилась я. – Нашел тоже террористку. Ну мы пошли, а ты тут потикай. Только не взорвись, как десять тонн тротила.

– Вы всегда такая нежная? – поинтересовался мой спутник, когда мы вышли из подъезда. – Или это проявление ка-

кой-то особой любви к данному молодому человеку?

Я решила промолчать и тем самым попытаться сойти за умную. Глупостей я уже натворила более чем достаточно, да и наговорила тоже, если уж на то пошло.

Во дворе стояла уже знакомая мне машина, за рулем сидел Дима. Похоже, меня начинали приучать к пошлой роскоши. Так ведь и до куртизанки какой-нибудь недолго доехать!

Севочка, спускавшийся, оказывается, за нами, фыркнул и удалился со всем доступным ему выражением презрения на лице, которое отчетливо просматривалось даже на его спине.

А я полезла в машину. «Пить, так пить, сказал котенок, когда его повезли топить». Мой новый кавалер уселся рядом и, кажется, чувствовал себя уверенно в отличие от меня.

Машина плавно катила по Садовому кольцу в сторону площади Восстания, потом свернула налево, к Киевскому вокзалу, взлетела на мост и помчалась по Кутузовскому проспекту. Несмотря на всю неординарность ситуации, а может быть, и благодаря ей, я получала от поездки чисто физическое удовольствие. Не так уж часто мне приходится раскатывать в лимузинах такого класса. Если честно – до сегодняшнего дня вообще не приходилось.

Вот бы ещё сирену с мигалкой! И чтобы кто-нибудь из знакомых увидел...

– Как вас зовут, я знаю, – нарушил молчание мой собеседник. – Меня можете называть Владимиром Николаевичем.

И учтите – маленьких девочек я не ем. Мы действительно едем купаться, только и всего. А ключи я завез вам по дороге.

– Я давно совершеннолетняя! – с неподдельной обидой в голосе сказала я, вечно вводящая людей в заблуждение тем, что в свои двадцать два года выглядела максимум на шестнадцать лет.

– Совершеннолетних – тем более, – невозмутимо отпарировал мой собеседник. – Они плохо прожариваются, мясо слишком жесткое.

Понимаю, что звучит не слишком остроумно, но тогда мы почему-то сразу рассмеялись, а затем и хохотали до слез. Впрочем, я вообще смешливая. С детства. Может меня тогда с лавки уронили? Говорят, очень способствует.

– Дима, сообрази по дороге что-нибудь перекусить, – распорядился Владимир Николаевич. – Пирожки там, ситро, ну, сам понимаешь. По-моему, дама у нас со вчерашнего дня ничего не ела, если не с прошлой недели.

– Откуда такие выводы? – поинтересовалась я, про себя подивившись прозорливости Владимира Николаевича.

Действительно, со вчерашнего дня я выпила только две чашки кофе.

– А вы в зеркало на себя давно смотрели? – участливо поинтересовался Владимир Николаевич. – Это же просто иллюстрация жизни в концлагере. Сплошные ужасы фашизма, звериный оскал нацистов.

Возразить, прямо скажу, было нечего, а комплиментов я

и не ждала. Не была избалована мужским вниманием.

Глава четвертая

Размышляя над тем, как ему «вычислить» неизвестного террориста-одиночку в Москве – на собственной территории, где полковник был практически полновластным хозяином, он приходил к выводу, что следует воспользоваться лишь опытом поездки с Горбачевым в США в ноябре 1987 года. Как и другие зарубежные вояжи, последний запомнился ему не столько по кадрам кинохроники и телехроники, по восторженным приветствиям и улыбкам, которыми на Западе встречали «красного триумфатора», сколько по тому, что осталось (не могло не остаться!) за кадром, что тщательно скрывалось и от прессы, и от широкой публики.

Может быть, напрасно?

После встречи в Женеве Рональд Рейган резко изменил свое мнение о новом советском лидере. По словам госсекретаря Шульца, он прошел «через своеобразный процесс просвещения», после чего решил, что «Горбачев коммуникабелен, объективен в оценке наиболее спорных международных вопросов, достаточно откровенно дает нелицеприятные оценки лидерам „застойного периода“ и методам их деятельности, свободен от догматических марксистско-ленинских постулатов».

Тем самым американский президент подтвердил мнение Маргарет Тэтчер о возможности не только «проведения» че-

рез Горбачева и его ближайшее окружение выгодной Западу международной политики, но и о возможности оказания серьезного влияния на внутреннюю политику СССР и на весь социалистический лагерь.

Горбачев действительно вел – по контрасту с прежними советскими лидерами – образ жизни, приближающийся к западному, и его мышление также было ближе к западному. Горбачеву чрезвычайно импонировало, когда его величали «руководителем нового типа» и «лидером перестройки».

Импонировало настолько, что он постепенно начал забывать о том, что благоприятное впечатление нужно производить не только на западных политиков, но и на граждан собственной страны. А именно пренебрежение общественным мнением сограждан – как бы робко оно тогда ни выражалось, – и сыграло решающую роль во всех последующих событиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.